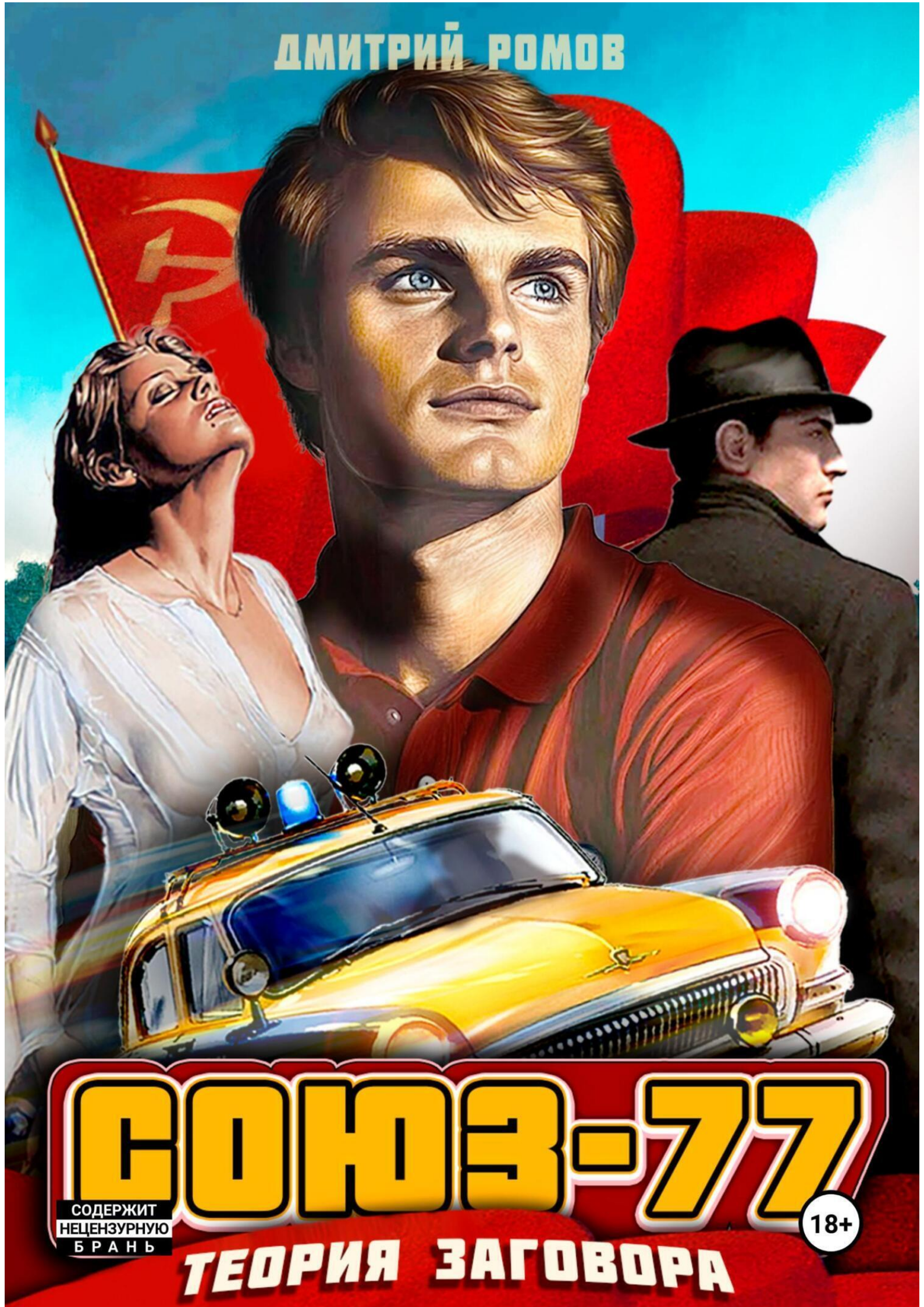

ДМИТРИЙ РОМОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТЕОРИЯ ЗАГОВОРА

Дмитрий Ромов

Союз-77. Книга-1. Теория заговора

«Автор»

2025

Ромов Д.

Союз-77. Книга-1. Теория заговора / Д. Ромов — «Автор», 2025

Ох, как всё закрутилось! КГБ, Ангола, коварные шпионки, вражьи резиденты, заговоры, предатели и тайные общества. А ещё и карьеристы во власти. Успевай только вертеться! Всю жизнь я служил в разведке, вышел на пенсию и в первый же вечер на гражданке получил по голове и... улетел в 1977 год. Вот там-то и началось! Но главное, СССР жив, комсомолки юны и прекрасны, молоко снова в бумажных пирамидках и никаких болей в спине. А у меня новая задача. Максимум — спасти Союз от гибели. Минимум — остаться в живых самому. А для начала разобраться, кто друг, а кто враг...

© Ромов Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

1. Чёрный пистолет, 2025	6
2. Вещества и существа	16
3. На деревню дедушке	23
4. Молодой волк	29
5. Опьянение молодостью	36
6. Эти глаза напротив	44
7. Пять, четыре, три...	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дмитрий Ромов

Союз-77. Книга-1. Теория заговора

Союз-77. Книга 1. Теория заговора

1. Чёрный пистолет, 2025

Сегодня, 22 апреля, в день 155-ой годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ульянова (Ленина) начинаю сей труд. Помолясь, приступаю.

Д. Ромов

Сделать нам, друзья, предстоит

Больше, чем сделано.

Кто же это там говорит –

Молодо-зелено...

И. Шафран

Если за вами никто не следит, значит слежку ведут профессионалы...

Автор неизвестен

Официальное уведомление!

Эта история является вымыслом и плодом воображения. Ничего, из описанного здесь, никогда не происходило в реальности и не могло произойти. Никаких тайных обществ и заговоров элитных групп нет и не было, так же, как и мафии. Все имена, даты и события в этой книге не имеют ничего общего с действительностью, а совпадения непреднамеренны и совершенно случайны. Абсолютно. Впрочем, после прочтения лучшие всё это съесть...

Уходить приходилось скрытно и незаметно, поскольку официально ни меня, ни моего спутника сегодня здесь не было. Маршрут был согласован на высоком уровне и все гарантии получены. Так что, если отряд Саадата не успеет нам помешать, то миссию можно будет считать законченной. Но только после возвращения.

Сидеть в мягком кожаном кресле «Айр Кинга» было удобно, но я чувствовал себя уязвимым в этой посудине. Защиты ноль... Двигатель натужно ревел и вибрировал, шасси били по колдобинам и ямкам относительно ровной песчаной дороги, самолётик подпрыгивал, торопился, а за большими круглыми иллюминаторами мелькала выжженная трава, верхушки пальм и далёкие, затянутые дымкой горы.

Взлёт получился коротким и резким. Удары колёс внезапно стихли и меня вжало в спинку кресла. Сидящий напротив, крепко сбитый мужик с красным лицом, чуть подался ко мне и тут же упёрся сильными руками в полированную крышку разделявшего нас стола.

Кричащая роскошь интерьера не вязалась с нашими задачами, да и настроению не слишком соответствовала. Через пару минут угол взлёта уменьшился и мой спутник потянулся к бутылке, вставленной в круглое отверстие держателя слева от себя. Из двух других отверстий он достал массивные хрустальные бокалы для виски. Небрежно плеснул тёмной янтарной жидкости, пролив немного на полировку стола, и подвинул один в мою сторону.

– Ну что, Григорий Андреевич, вырвались?

Я ничего не ответил, а он расстегнул верхнюю пуговицу камуфляжной куртки, называемой «бежевой цифрой» или попросту «оливье», и вытер лоб тыльной стороной ладони. Погон на нём не было.

– С днём рождения вас, – ухмыльнулся он. – Я не знал, честно говоря, просто услышал, как Сбитнев вас поздравлял. Через губу, кстати. Но вы ему такого жару задали, что понять его можно... Жёстко вы его отделали. Уважаю. Всю правду выложили, у него аж зад задымился.

Мой спутник раскатисто рассмеялся. Грубые черты его лица смягчились, и он поднял бокал. Я же к своему не притронулся. Голова раскалывалась. И гудела, как чугунный мост. Таблетки от давления два дня, как кончились, так что их отсутствие давало о себе знать. А может, и не из-за них. Мало ли причин для головной боли у не слишком молодого человека...

Я медленно повернул голову до упора, выворачивая, насколько было возможно вправо и вверх. Натянул мышцы, пытаюсь улучшить кровообращение. Потом проделал то же самое в другую сторону. Стало чуть легче.

В салоне, рассчитанном на шестерых пассажиров, мы находились вдвоём – я и этот здоровый полкан. Серёжа. Наш, гэрэушный, но по службе я с ним не пересекался, только вчера познакомились. Я-то больше по «музыкантам» специализировался, да по прочим артистам. В последнее время в Сирию летал редко, а он, как я понял, постоянно сюда нырял.

– Поздравляю, короче, – отсмеявшись, продолжил мой спутник. – Сколько вам сегодня стукнуло, кстати?

– Тридцать семь, – неохотно ответил я и бросил взгляд на пилота. – Наоборот только. И не сегодня, а вчера.

Пилот был один, второе кресло пустовало. Я отвернулся к иллюминатору и посмотрел на редкие белые пёрышки облаков, тёмную блестящую гладь воды, и оставшийся далеко-далеко берег, жёлтый песчаный пляж.

– Да ладно? – недоверчиво протянул попутчик. – Семьдесят три что ли, если наоборот? Чё-то вы заливаете, по-моему, товарищ полковник.

Вот тебе и «что ли». Сам не заметил, как такое случилось. Семьдесят три. Как говорится, если ты проснулся утром и у тебя ничего не болит, значит ты умер. Вообще-то не так. Если прислушиваться к болячкам, то они сразу повылезают, но если у тебя есть задача и жизненная программа – ещё ничего не кончено. Живи и выполняй. Но и о здоровье не забывай, конечно.

Я глянул в глаза своему спутнику. Нормальный мужик, в принципе. Профессионал. Он кивнул, отсалютовал мне бокалом, запрокинул голову и влил в себя тёмную жидкость. И в тот же миг по корпусу самолёта волной прокатились короткие сильные удары. Как горсть камней. Борт тут же резко накренился и, сорвавшись, по большой пологой дуге понёсся к воде.

– Это что?! – выпучил глаза Серёжа.

– Дождь метеоритный, – бросил я, расстёгивая привязной ремень. – Из зенитной вдарили, что ж ещё!

В левом борту появилось несколько свистящих отверстий.

– Игорь! – крикнул я, вскочив с кресла и устремляясь к пилоту. – Игорёк, что?!

Из глаз брызнули искры. Я зарычал и заскрежетал зубами. Ноги стали ватными, а по позвоночнику пронёсся электрический импульс и вспыхнул в голове молнией. Поясницу прошило острой болью – слишком резко дёрнулся, как молодой, бляха... Но прислушиваться к ощущениям было некогда. Я как с горки скатился, пролетев вперёд, и понял, что Игорь ничего мне уже не ответит. Голова его свесилась на грудь, а белоснежная рубашка на глазах становилась кумачовой, пропитываясь кровью. Твою мать!

– Твою ж мать! – раздалось позади меня, будто мой спутник, повторил вслух мои мысли.

Игорь не двигался. Экраны перед ним были чёрными. Высота, скорость, авиагоризонт...

– Ты не против? – отрывисто бросил я Сергею, забираясь в неудобное узкое кресло второго пилота и морщась от боли в спине.

– Нет, – коротко ответил он. – Я не умею.

Времени на разговоры не было. Мы падали. Экран с маршрутом мигал, но остальные приборы на моей стороне работали штатно. Вроде бы. Вырубив автоматику, я левой рукой взялся за штурвал, а правой потянул рычаг закрылков, пытаюсь выровнять положение.

Тысячу лет не летал. А на этом самолёте – вообще никогда... Сергей навалился вперёд, обхватил руками спинку кресла и не отрываясь смотрел на несущуюся навстречу воду. Я глянул на него, он побледнел, но не истерил, не паниковал. Я же сказал, нормальный мужик.

– Григорий Андреич, надо бы попытаться вернуться, – прохрипел он. – На берег...

– Держись, Серый, – процедил я сквозь зубы, с силой вытягивая штурвал на себя.

Ну же... Ну же...

– Ну же!!! – прохрипел я, задирая нос и сдвигая рычаг газа. – Давай!!!

Самолёт, едва не зарывшись в волну, резко вынырнул из пике и рванул ввысь, а мой товарищ, не удержавшись, повалился назад и отлетел к пассажирскому сиденью.

– Надо возвращаться, – повторил он, когда я кое-как выровнял положение. – До Сочи не дотянем.

– Да, кто его знает, – пожал я плечами. – Может, не дотянем, а может, и... наоборот. Но автопилоту капут. Да и хрен знает, чего ещё эти уроды продырявили. Тебе, кстати, ничего не отстрелили?

– Сука... – зло помотал он головой. – Обезьяны с пулемётами... Не отстрелили.

– Ну, и молодец, – кивнул я. – Везунчик ты, Серёжка. Значит надо двигать вперёд. Назад нам с тобой никак нельзя. И, главное, куда назад? На пляж опять? Так там уже наших нет, бармалеи засели. Или чё, предлагаешь в Хмеймим лететь? Типа, здравствуйте, вот они мы. Сам-то подумай. Проверь-ка лучше Игорька.

Но там и проверять нечего было. Игорёк пал на боевом посту.

– Ладно, – покачал я головой, – пойдём на Кипр. Это двести пятьдесят кмэ всего. Плюс-минус. Ну-ка, вруби свой навигатор на мобиле.

– Блин...

– Чего?

– Да, не хотел я телефон включать...

– Ну, – усмехнулся я, – тогда пальцем ткни, куда лететь.

Он замешкался.

– Да не ссы ты, товарищ полковник, – покачал я головой, – проскочим. Давай только скорее, а то нам похоже бак пробили. Некогда титьки мять.

– Ладно, – недовольно выдохнул он. – Что ставить, Ларнаку?

– Нет, Никосию. Рисковать не будем, полетим в турецкую часть. Ты только Чечиткале забей, а не Эрджан. И смотри, бритов надо стороной облететь, а то у них там есть из чего пальнуть.

– Я уверен, они всю эту хрень и замутили. Твари.

– Это точно, – усмехнулся я, это действительно они расстарались. – Англичанка гадит, да? Жаль, сбросить ей нечего. Нет у тебя бомбы какой-нибудь?

– Нету, Григорий Андреевич. Нету...

На следующий день, ближе к вечеру, я прибыл в Управление на Ходынское поле, прошёл все необходимые посты и проверки и, наконец, вошёл в приёмную генерал-майора Прошина.

– Здравствуйте, Алёна Антоновна. У себя?

– Ой, Григорий Андреевич, здравствуйте, – разулыбалась обычно строгая секретарша с капитанскими погонами. – Заходите сразу, он вас ждёт уже. Спрашивал два раза.

Я глянул на часы, убедился, что не опоздал и шагнул к двери.

– Товарищ генерал, разрешите? – произнёс я, приоткрывая дверь.

Кабинет был просторным, светлым, современным с большими окнами. В глубине стоял массивный письменный стол с приставленным к нему длинным столом для совещаний.

– А-а-а, дядя Гриша, проходите, заждался уже, – хозяин кабинета встал из-за стола и сделал несколько шагов мне навстречу. — Небыстро вы в этот раз.

«Дядя Гриша»... Я сразу всё понял. Сука, Сбитнев, наклепал уже, козёл... Я ему, может, и зря вчера выволочку устроил, да только, всё равно, не жалел, что рубанул правду-матку. Кто-то же должен был этому мудаку объяснить дважды два четыре. Таких он там дел наворотил. Мало что парней не сберёг, так ещё секретное оборудование просохатил. Олень. А там ведь и материалы находились... Ладно... Тихо... Надо было успокоиться.

Генерал меня обнял, а я обнял его. Просто братская любовь...

– Садитесь-садитесь, – заулыбался он и вернулся на своё место. – Что будете?

– Кофе, – кивнул я. – Маленькую чашечку. Ристретто.

– А сердце, давление в норме? Можно вам такой крепкий пить?

– Можно, Саша, можно, – усмехнулся я, назвав его по имени, и он тоже понял, что я понял.

Все всё поняли, в общем... Неофициальное обращение, дружеская обстановка, вроде мы уже не начальник и подчинённый, а просто старые приятели. Ну-ну... Мой «приятель» нажал кнопку на селекторе и попросил принести кофе и коньячный набор.

– Впечатлён, как вы с самолётом управились, – улыбнулся генерал.

– Да, это что! Пустяки, я ещё и вышивать могу. Крестиком, как кот Матроскин. Мне же это только и остаётся теперь, да?

– Дядь Гриш, – немного грустно, улыбнулся он. – С днём рождения вас. Мы приказ подготовили о награждении и подарок.

– Подарок? – удивился я. – Подарок – это здорово. Ценный, надеюсь?

– Да, всё, как положено, ценный подарок, – кивнул он и стал серьёзным.

В юности он походил на бравого гренадёра – ему бы кирасу и усы погуще, и вылитый был бы... А теперь вот раздобрел, плешь завёл, пузцо...

– Я ничего не могу сделать, вы поймите... Сбитнев мужик говнистый, гражданский, к тому же. Я на него надавить никак не могу...

Генерал вздохнул. Я тоже. Да чего там объяснять, всё было понятно. Постучав, вошла Алёна Антоновна и поставила на приставной стол красивый серебряный поднос с двумя маленькими чашечками кофе и бутылкой французского коньяка. Ещё на подносе нашлось место горькому шоколаду и тонко нарезанному лимону.

Я скользнул взглядом по крутым бёдрам и крепким ногам секретарши. Ей было чуть за сорок, в отличной форме, в самом соку... Она поймала мой взгляд и улыбнулась. Я ей в отцы годился. Я тоже улыбнулся и подмигнул. Саша взял бутылку и налил на донышко в пузатые бокалы на низких ножках.

– Правильно вы ему высказали, – кивнул он, когда Алёна Антоновна вышла из кабинета. – Сбитневу этому. Мудак он, это ж все знают. Но мудак с поддержкой в высоких кабинетах. За ним большие люди стоят. Так что...

Так что надо засунуть язык в одно место и не высовывать. А то, что из-за таких вот хорьков, как этот Сбитнев, мы пацанов молодых теряем и вообще годы работы под откос спускаем, это никого не волнует. Главное, не нарушить его покой. Сука. Моя бы воля, я б его лично к стенке поставил и привёл в исполнение без суда и следствия...

Ещё кофе не выпил, а уже защемило в груди...

– А мы вас... будем в качестве консультанта привлекать, – улыбнулся Саша. – Директор уже приказ подписал.

– Быстро, – хмыкнул я.

– Да-а-а... сами знаете, с этим делом не тянут обычно. Раз два – и в дамках. Ладно, давайте за вас. Я, между прочим, завидую вам. Моя бы воля, давно б на покой ушёл, но начальство не отпускает, а вы можете ничего не делать и просто жить в своё удовольствие. Отдых, сказать по чести, вы уже давно заслужили. Вон ещё когда уйти могли. Я вам, кстати, очень благодарен, что не ушли в своё время...

Мы чокнулись. Я едва пригубил и отставил бокал.

– За рулём, – кивнул я, отвечая на вопросительный взгляд генерала.

– Ну да, ну да... Григорий Андреевич, да не расстраивайтесь, правда. Работа будет. Не такая, конечно, как вы привыкли, поездки не обещаю, но и дома в четырёх стенах сидеть не придётся. На возраст же нужно поправку давать. Ну, не планировали же вы до ста лет по горячим точкам мотаться? Вон как с этим самолётом вышло... Ну, честное слово! Геройство, конечно, но и стресс.

– Да, – улыбнулся я. – Разумеется. Всё правильно, Саша, засиделся я. Давно пора молодым дорогу уступить. Пусть теперь они мозгами шевелят, а я настурции разводить стану. Не переживай, я всё понимаю. Молодым везде у нас дорога, а нам, старикам, это самое, да? Ну что же, так и должно быть...

Должно... Должно, да не обязано! Я помотал головой. Накатила и злость, и обида, и, одновременно, понимание, что всё действительно было правильно, и пришла моя пора. Вот так... раз, и пришла пора... В общем, как говорят писак, я испытал сложную гамму чувств и всё такое прочее.

– Вот увидите, вам понравится, – подмигнул мне Саша. – Обязательно понравится.

– Уже нравится, – кивнул я. – Уже...

На столе тирликнул сигнал селектора, но генерал не успел отреагировать. Дверь распахнулась. Я обернулся и увидел очень немолодого человека в штатском. Он был однозначно старше меня, а вот гляди-ка, продолжал, надо полагать, нести службу на благо родной страны.

– Вот они, – широко улыбнулся посетитель, – герои нашего времени. Коньяки распивают. Парят в лучах славы и нежатся в комфорте.

Дед этот был совершенно лысый с рыхлой картофелиной носа и глубокими морщинами. Скулы напоминали два яблока и делали его похожим на куклу-марионетку с ярморочной площади. Из-за покатых плеч и сгорбленной тощей фигуры, его дорогуший костюм выглядел мешковатым.

Улыбка на иссушенных губах казалась виноватой, но взгляд его меня поразил. Молодой, энергичный, хищный и... властный, что ли. Хотя, нет, неудачное слово, не знаю... В общем, взгляд человека, знающего намного больше, чем другие.

– Алексей Михайлович, – поднялся с места Александр и показал на меня рукой. – Позвольте вам представить...

Дед добродушно рассмеялся, перебивая генерала:

– Помилуйте, ну кто же не знает Григория Андреевича.

Это меня, то есть. Он сделал несколько шагов в мою сторону и протянул руку. Я поднялся со стула и пожал её.

– Стрелец, – представился я.

– Знаю-знаю, Григорий Андреевич, – засиял он и крепко, совсем не по-стариковски сжал мою ладонь. – Товарищ Стрелец у нас человек легендарный. Он и самолёт посадит и дворец Амина в одиночку возьмёт.

– Никак нет, – серьёзно ответил я. – Я не по боевым операциям. А теперь вообще всего лишь консультант. А самолёт... Жить захочешь, знаете ли, и космический корабль посадишь.

Все засмеялись. Дед тоже засмеялся, а вот фамилию свою не назвал. Интересный кадр. Кто же он такой? Меня знает, а я его нет... А я думал, что знаю всех... Алексей Михайлович, значит... Интересно... Откуда такой реликт выплыл... Ну, ладно, разузнаем, что за фрукт, чтоб не скучно было на пенсии дома сидеть.

– Ну, что же, товарищ генерал, – кивнул я. – Пора и честь знать. Разрешите идти?

– Григорий Андреевич, – чуть смутился Прошин. – Спасибо, что зашли. Мы в ближайшие несколько дней с вами обязательно увидимся. Я позвоню, мы сядем и хорошенько поговорим. Обсудим сотруничество. Лады?

– Лады, Александр Иванович. Лады...

Я подмигнул.

– Всего доброго. Вам тоже, Алексей Михайлович.

– И вам, и вам, – расплылся в улыбке дед. – Всего хорошего...

– Всё в порядке у вас? – услужливо и одновременно пренебрежительно-равнодушно спросил молодой официант с закрученными усами.

– Воды принесите, пожалуйста.

– С газом, без газа?

– «Боржоми», если есть.

– Конечно, – кивнул тот. – Сейчас принесу.

Он исчез, а я снова задумался о своём изменившемся положении. Естественно, я только об этом и думал сейчас. Пенсионер, бляха-муха. Дожили.

Я сидел в каком-то мудацком баре на Садовой-Каретной, неподалёку от сада «Эрмитаж», и от всей души сочувствовал и сопереживал сам себе. Как быстро всё произошло. Раз, два, три. Вчера спасаю операцию, а сегодня уже выращиваю настурции...

Пижоны с умахёнными бородами и стеклянными взглядами поглядывали на меня с усмешками, а их девки на меня вообще не смотрели. Передо мной стоял не бокал, а ваза с густой кроваво-красной жижей, льдом, белыми, похожими на пенопласт, шариками и кусками фруктов. Даже попробовать не хотелось.

И вообще, зря я согласился на встречу с Максом. Надо было домой ехать. Мне всё здесь было противно. Прилизанные самовлюблённые мужики, их подружки, думающие лишь о бабках и с вызовом демонстрирующие свой достаток. Как мы вообще до этого докатились? Я решил, что если через десять минут он не появится, встану и уйду. Но он появился.

– Старичок! – радостно воскликнул он. – Гриша! Привет, родной!

– Да сам ты старичок, – незлобиво огрызнулся я и отмахнулся от его объятий и лобызаний.

Макс был моим давнишним и не слишком близким приятелем. Молодой, деятельный, весёлый. Родственник генеральской жены. У Прошина и познакомились, аккурат лет двадцать назад.

– Что это ты пьёшь такое? – усмехнулся он.

– Ничего. Это твои креаклы мне дурацкой херни намешали.

– Ой-ой-ой, креаклы! – заржал он. – Ты чего не в духе, старина?

– В духе. Ты же видишь, никто из них не корчится на полу от боли, все ходят на своих ногах. Это значит, я в духе. Старина.

Макс расплылся в улыбке. Он был рыхлым, но при этом живым, юрким, с богатой мимикой. На острие моды, в сумасшедших очках, в сумасшедшем пиджаке. В общем, продюсер из телеящика.

– Ладно-ладно, – хлопнул он по столику и обернулся, выискивая глазами официанта. – Чего суровый такой? Ты поесть заказал уже?

– Нет.

– Правильно, я сам закажу. Я знаю, что тебе сейчас нужно. Так, любезный, этот коктейль уносите. Для начала нам, пока будем ждать, эту вашу водку на инжире по три шота, а потом два двойных «Олд фэшн» с бурбоном. А кушать мы будем гамбургеры с крабами. Гриш, тебе картошку или пюре из цветной капусты?

– Мне борща принесите, – кивнул я.

– У нас нет борща, – надменно ответил официант тоже с закрученными усами и окладистой бородой.

ТЬФУ! Пряма секта какая-то.

– Он шутит, шутит, – пояснил Макс. – Так... Давайте, с домашними чипсами. Вот, а что потом, мы подумаем ещё. Спасибо.

– Максим, почему тебе нравятся извращения? – спросил я, когда официант ушёл. – Надо было тебя взять с собой в командировку хоть раз, чтоб ты на настоящую жизнь посмотрел, вот без всей этой дребедени. Гамбургеры ему подавай и хот-доги из крабовых палочек. Почему нормальную еду нельзя заказать?

– Это какую? Селёдку что ли да щи?

– Да уж всё лучше этого твоего пижонства.

– Сразу видно древнего человека, – засмеялся он. – И при ужасах царизма, и при коммунистах пожить успел. Скучаешь теперь, наверное. А я человек молодой. Ты из прошлого, а я – из будущего. Но это ничего, это даже хорошо.

Я хмуро кивнул:

– Будущее вызывает очень много вопросов, но ладно уже, рассказывай, зачем ты меня сюда вытянул и чего хочешь.

– Вот ты какой шустрый, сразу к делу, сразу быка за рога, – покачал он головой.

– Да, пока ты ещё не на этих самых рогах, а то знаю тебя, накидаешься за пять минут. А я устал. Мне отдыхать надо. Возраст.

– Ну, хорошо, старый ворчун... – усмехнулся он. – В общем так, Гриша, я начинаю большой проект, посвящённый Советскому Союзу.

– В зомбоящике своём? – уточнил я.

– Да, на телевидении. Это будет просто пушка, Гриш! Реалити-шоу «Назад в СССР»! Представляешь? Мы строим целый город и деревню, чтоб всё, как взаправду! Вот там и борщ будет, и селёдка под шубой и пельмени магазинные. Всё вообще.

– И зачем это?

– Ты что! – воскликнул он. – Не понимаешь? Сейчас совок – это самый тренд! Все только про Союз и говорят. Буквально бредят им. Моднo, и у целевой аудитории востребовано! Будем туда закидывать участников, чтоб выживали и смотреть, как они справятся. Шикарная идея, да?

– Не знаю, – покачал я головой. – А от меня тебе что надо? Я участвовать в этом баракле не буду.

– Ты мне нужен в качестве консультанта.

О! Кажется, действительно, консультации – это всё, на что я сейчас способен...

– Так тебе же за полтинник, Макс, – пожал я плечами. – Ты и сам при Советах пожить успел. Как я тебя консультировать буду?

– Да что я там успел? Я ж ребёнком был. Но дело даже не в этом. Мне консультант нужен по силовым структурам, КГБ главным образом, по партийным органам. Соглашайся, Гриш. Во-первых, это деньги. Оплата будет очень и очень достойной, понимаешь? Не гигантской, конечно, но, всё равно, достойной. Во-вторых, это интересно. Ну, правда, поверь, проект будет очень крутой. Хочешь, я тебя свожу посмотреть?

– Только не сегодня, – помотал я головой.

– Нет, конечно, сегодня уже поздно, вечер, темнота. Но можем завтра сгонять. У нас прямо деревня настоящая, в Тульской области. Почувствуешь себя в своей молодости. Ты не представляешь, сколько у нас уже заявок на участие. И это при том, что официально кастинг ещё не объявлен.

Принесли инжирную настойку в маленьких толстостенных, будто вырезанных из кусков льда рюмашках. Макс без раздумий закинул в себя сразу три шота подряд. Я только головой качнул.

– Послушай, – кивнул я ему. – Как ты можешь этот проект делать, если ты Союз ненавидишь лютой ненавистью?

– Я тебя умоляю! – вздёрнулся он. – А ты что ли его любишь? ГУЛАГа тебе не хватает, или чего? Дефицита всеобщего? Подавленности? Лжи? Тотальной депрессии? Хотя, ты-то в системе был, соскучился видимо по упоению властью. Только, кроме твоего упоения, ничего там не было доброго.

Идиот. Я властью под пулями «упивался», страну защищая.

– Сраный тоталитаризм, – не унимался он, – диктатура, блин, пролетариата и геронтократия. Тошнота! Одевались, как обсосы, за тряпку фирменную удавить готовы были. Нарушили социальную и экономическую эволюцию. Цивилизацию сломали. Замордовали, угробили, извели миллионы людей, а после обосрались.

– Войну выиграли и индустрию создали, – пожал я плечами, стараясь сохранять хладнокровие. – И, если отбросить твои тупые клише, начали строить общество будущего. Антикапитализм, или, если больше нравится, посткапитализм. И Запад твой любимый к нему же когда-нибудь придёт, только нескоро. А мы имели шанс влететь туда на златогривом коне! Ну, сбились наши руководители, не туда пошли, затупили старики-разбойники, но исправить ситуацию можно было. Дело-то новое, неизведанное, и если б не...

– Если бы да кабы, – перебил меня Макс. – Сбились и ушли не туда. В жопу ушли. Скажи лучше, каков конечный результат? Я сам скажу! Результат – пшик. Да ты и сам мне говорил, что всё в Союзе этом прогнило перед развалом.

– Гниль надо было вычистить и двигаться дальше к процветанию и...

– Ай, – махнул он рукой, снова не желая слушать, а потом взял рюмку, стоящую передо мной, заглотил и продолжил:

– Если бы не Штаты, хрен бы мы чего достигли, ты не соображаешь что ли? И войну бы не выиграли и никакой индустрии не построили бы. Они нам всё дали, а мы своими кривыми ручонками только Беломорканал и сумели выкопать. И то мелко вышло, корабли не проходят, за дно цепляются. Если бы не Америка, хер бы что было при советах.

– Макс, ты дурак что ли? – тихонько спросил я. – Нет, ты правда во всю эту ахинею веришь? Или просто позлить меня решил?

– Нет, Гриша, – самодовольно расплылся он в улыбке и потянулся за следующей рюмкой. – Я знаю факты, а в ахинею веришь ты. Поэтому ты мне и нужен, понимаешь? Без тебя ведь никак! Мне надо, чтобы совок выглядел даже натуральнее, чем был на самом деле, улавливаешь? Потому что это мега крутой тренд. А кто направляет тренд, тот что? Тот будет при бабках. Поверь, рейтинги мы соберём такие, что все остальные каналы...

– Да иди ты в пень, Макс!

– Чего? – захлопал он глазами.

– Я говорю, иди ты в пень, – спокойно повторил я и встал из-за стола.

Повторил спокойно, но в груди всё клокотало. Это как можно быть таким идиотом, чтобы в пятьдесят с гаком нести вот эту тупую дичь? Пусть он и не самый умный, но пятидесяти-, сука, летний деятель культуры!

– Ты чего, Гриш? – удивлённо воскликнул он и попытался ухватить меня за руку.

Но это было зря, конечно. Я в свои семьдесят три был покрепче этого дурачка и рванул руку так, что он чуть не грохнулся вместе со стулом.

– Ещё раз увижу – убью, сука!

Это, конечно, была фигура речи, но он поверил и отшатнулся. Разозлил меня, гад. Самодовольный урод. Любитель крабовых хот-догов. Надо сказать генералу Прошину, что у его жены родственник настоящий мудака.

Я вышел из душного бара. Чувствовал себя херово. В спину опять вступило, в груди жгло, голова разболелась. Надо было просто выпасться. Ну, и давление померять. Я решил, что сейчас пройдусь немного и мне станет лучше. Последние несколько дней выдались суматошными и непростыми, да и этот придурок нервы вздёрнул. И так были вздёрнуты, а теперь вообще...

Я перешёл через дорогу, глянул на грозно возвышающийся зиккурат слева. Надо же было такую хрень построить. Повернул в сторону Делегатской улицы и зашагал вперёд. Вроде полегчало. Было поздно, темно и прохладно, весенний воздух освежал, в небе поблёскивали звёзды.

Я двигал по узкому тротуару вдоль сквера, дышал глубоко, радуясь тонким ароматам цветения. Листья уже распустились и пятнадцатизэтажку с «Азбукой вкуса» было практически не видно за деревьями. Я неспешно шёл дальше, к следующей «свечке», на первом этаже которой помещалась почта. Деревья закончились, я мерно вышагивал вдоль парковки, заставленной машинами и вдруг...

Или показалось?..

Я остановился. Нет, не показалось... Из глубины тёмного двора, со стороны гаражей повторился странный звук, похожий на сдавленный стон. Какого хрена...

Я осмотрелся, поблизости никого не было. Звук повторился, на этот раз он стал отчётливее. Совок ему, видите ли, не нравится. Да только я не припомню, чтобы при совке в центре Москвы, никого не боясь и практически открыто, людей грабили да насиловали.

– Помогите... – вскрик вмиг оборвался...

Я быстро прошёл вглубь парковки, подошёл к дому и прижался к стене. В позвоночнике снова стрельнуло и в висках появились противные молоточки. Почта была темной, ни хрена не видать, свет в окнах квартир не горел. Почти. Сжав зубы, я ещё продвинулся вперёд, стараясь ступать неслышно. Вспомнил молодость, как говорится...

На мгновение мне почудилось, будто сзади кто-то есть, и я резко обернулся и присмотрелся. Но нет, ничего и никого подозрительного не заметил. Нервишки, похоже, пошаливали...

Звуки возни и стоны стали громче, и я прошёл дальше и заглянул за угол. Присмотревшись, различил три тёмные фигуры. Двое из них, несомненно мужчины, запихивали вырывающуюся, судя по всему, женщину в большую машину.

– Давай скорей! – долетел до меня сдавленный голос. – Да не цацкайся ты с ней! А ты, сучка, только пикни ещё, я тебя вспорю сразу по всей длине, от пилотки до пасти!

– Стонать будешь, когда мы тебя жарить начнём в три смычка, – со смешком добавил второй.

Он с глухим звуком ударил жертву по пояснице и она, охнув, затихла, перестала трепыхаться.

– Вот так, – удовлетворённо бросил первый.

Голос был низкий, звериный, с выразительным акцентом.

Они находились от меня в нескольких метрах, под большим разлапистым деревом, скрывающим происходящее от жителей верхних этажей. Да и со стороны дороги тоже ничего не было видно. Прямо в центре Москвы, под окнами жилого дома, хоть и с обратной стороны. Твою же мать! Как это возможно?! Ничего ведь твари не боятся!

Ладно. Два гражданских урода – это раз плюнуть, даже с прострелом в спине. К тому же на таких мразей у меня зуб. Я их на дух не переносу. Мне их порвать хочется, головы пооткручивать...

– А ну, – устало сказал я, делая несколько шагов в их направлении. – Оставьте девушку в покое.

На миг всё стихло. Нет, не на миг... Пожалуй, на пару секунд. Именно столько длилась абсолютная тишина, будто время замерло. Не было слышно ни одного звука. Ни одного... А потом мир снова ожил. Где-то сверчок цвыркнул, где-то машина тормознула, ветерок, листва... Всё стало, как обычно. И тут же мне в глаза ударил яркий свет фонаря. Но я даже не поморщился.

– Девушку оставьте, – повторил я.

– Чего? – услышал я насмешливый голос. – Деда, ты спутал, аптека не здесь, тебе в другую сторону. Иди, пока тебе хронических заболеваний не добавили.

– Я повторять-то не привык, сынки, – хмыкнул я. – Иди сюда, милая. Ты там жива?

– Слышь, старый, дёргай отсюда-на! – вступил низкий звериный голос.

Из-за фонаря, бьющего в глаза, мне их не видно было. Никак не разглядеть.

– Вот ведь шакалы, – чуть прищурился я, и в тот же момент увидел кулак, летящий мне в лицо.

Ну-ну. Рука взмыла автоматически. Блок, удар, резкий поворот и локоть нападавшего согнулся в другую сторону.

– Да не ори, ты ж мужик.

Дикий вопль пронёсся над округой. Я дёрнул парня на себя и заткнул ударом по горлу. В то же мгновение перехватил кисть второго шакала, вырвал фонарь и этим фонарём наотмашь рубанул ему по роже. Фонарь разлетелся на куски.

– Разве вас не учили, что к пожилым людям надо уважительно относиться? А уж про девушек и говорить нечего.

Хотел пропнуть ему по бубенцам, да спину пожалел. Свою, разумеется. Она и так скрипела, и заставляла лететь искры из глаз. Так что я шагнул к заливающемуся кровью мерзавцу и коротко ткнул указательным пальцем под нос, точнёхонько над верхней губой. Он, не пикнув, тут же рухнул на асфальт.

В доме начали зажигаться окна, и стало светлее. Девушка в чёрной кожаной куртке похоже пришла в себя и поднялась на ноги.

– Ты как, дочка, цела? – кивнул я ей.

– Да, – спокойно ответила она.

На ней были тёмные спортивные брюки и белые кроссовки.

– Ну, и молодец. Ты здесь живёшь или тебя проводить? Точно в порядке?

– В порядке, – вздохнула она и...

Старый дурак!!! Сердце оборвалось... А ещё на пенсию не хотел уходить! Мозги-то уже всё, высохли... Эмоции одни остались! Нюни!

– Что ж вы так? – вроде бы даже с грустью спросила девица. – Григорий Андреевич, вы же один из самых опытных спецов, а как детсадовец попались...

– Зато потешился, – без выражения ответил я. – Дружки-то твои не скоро в строй вернутся.

– Они и не вернутся...

В руке девица сжимала пистолет с глушителем. Большой чёрный пистолет, показавшийся мне в этот момент живым, безразличным и неумолимым животным.

Чфф... Чфф...

Он два раза негромко плюнул в сторону лежащих на асфальте бандосов и повернулся ко мне...

2. Вещества и существа

Нас разделяло несколько шагов. Сколько раз за всю жизнь на меня смотрел ствол, подсчитать я бы не смог. Как и то, сколько в подобных ситуациях было сделано бросков и обманных движений, сколько было принято молниеносных и дерзких решений, сколько сломано шей и выбито мозгов... Подсчитать можно было только количество шрамов на моём теле...

Эта девица, вероятно, была из наших... И находилась она сейчас в очень выгодной позиции. В груди у меня стало пусто, а в голове морозно. Как всегда, в такие моменты. Нужно было отбросить мысли и стать машиной.

– Кто меня заказал? – спросил я, изобразив печаль и пытаясь вовлечь исполнителя в эмоциональный контакт.

Вопрос был несправедливый, ведь все хвосты я подчистил, давно уже подчистил... Непраздничный, но неактуальный, просто нужно было что-то говорить. Кто и зачем, будем разбираться потом, а сейчас нужно было действовать. Тело привычно напряглось, внимание сконцентрировалось, и все мелочи, типа прострела спины и прочей ерунды просто исчезли.

– Кто? – повторил я, вглядываясь ей в глаза и незаметно перенося центр тяжести на левую ногу.

Давно я лунную походку не тренировал... А зря... Глаз девицы я разглядеть не мог, а вот губы... губы были хорошо видны. Они вдруг растянулись и превратились в грустную улыбку, как у клоуна.

– Спросите у вечности, – нервно ответила она и резко подняла руку с пистолетом, направив его мне в лицо.

И тут же, безо всякой паузы я получил сильнейший удар по затылку. Пистолет едва заметно дёрнулся и прежде, чем наступила темнота, я успел услышать короткое «чфф»...

Ощущение было таким, будто я закрыл глаза и сразу же открыл. Открыл и снова увидел темноту. Правда, не такую густую, кое-что изменилось. Страшно болел затылок и... судя по всему, я лежал на спине. Точно, лежал на спине, причём не на асфальте, а в траве.

Значит... она меня не убила... хм... промахнуться она точно не могла... Кто-то подлетел сзади и саданул по затылку... И как же я не заметил? Ерунда какая-то. И зачем вся эта постановка была нужна, если я остался в живых?

Я снова прокрутил всё произошедшее в голове и... Стоп... Было ещё кое-что! Точно! Когда наступила темнота я что-то слышал. Да, конечно... Был неприятный повторяющийся звук, электрический... жужжащий. Как зуммер. Д-з-з-з-з... д-з-з-з-з... д-з-з-з-з...

А потом... Потом возник мужской голос, несколько раз повторивший сообщение. Звучал он с помехами, будто по радио:

«Николай, Женя, Татьяна, Иван. Сто пятьдесят четыре, шестьдесят. Анна, Марина, Полина, Люда, Ирина, Ольга, Полина, Ульяна, Харитон»...

Я автоматически сложил первые буквы имён. НЖТИ 154 60 АМПЛИОПУХ 3415 9028. Получилась полная хрень, напоминающая сигнал «Жужжалки», которую на Западе называли радиостанцией Судного дня... Но ко мне это не могло иметь никакого отношения. Абсолютно точно.

Значит, времени прошло прилично, и я находился там, где слушали Жужжалку... Я прислушался, но кроме звука ветра ничего не услышал. Где-то вдалеке проехал грузовик. Хм... с натужным звуком, как в старину... Было холодно, вернее вроде бы не холодно, но я замёрз. Интересное кино... Возможно, пробыл в отключке гораздо дольше, чем казалось.

Я лежал некоторое время, не двигаясь и внимательно вслушиваясь в окружающие меня звуки. Небо начало просветляться. Похоже, рядом никого не было. А ещё было похоже, что меня вывезли и бросили. Зачем? Подумали, что всё равно сдохну и не стали добивать?

Крайне непрофессионально и маловероятно. Или хотели, чтобы я вернулся? И специально дали послушать сообщение? АМПЛИОПУХ ... НЖТИ 154 60 АМПЛИОПУХ 3415 9028. Надо же, запомнил. Помогали, значит, капельницы для мозгов.

Я пошевелился. Провёл руками вокруг себя. Трава, бляха. Сухая трава, что для мая месяца не слишком характерно. Полежав ещё немного, я сел. Поднял торс из положения лёжа на спине. Хм... сел легко, даже пятки от земли не оторвал. И в спине ничего не щёлкнуло. И не дёрнуло. Это как? Знал бы, давно попросил кого-нибудь в затылок «заглянуть». Ты подумай, как говорится, какая связь...

Затылок, кстати, болел. Я осторожно прикоснулся, ощупал его пальцами и сжал зубы. Долбанули мне капитально, судя по всему. Волосы были в запёкшейся крови. Я медленно встал и огляделся. Голова не кружилась, не тошнило. Это плюс. Находился я, судя по всему, на краю большого чёрного поля. Было видно бескрайнее небо, светлеющее с одной стороны, и огни деревни, расположенной сразу за полем. Я увидел дома, заборы... Температура по ощущениям... градусов пятнадцать...

Поёжился. Вдалеке закукарекал петух, откликнулся ещё один, третий, залаяла собака, завёлся трактор. Начинался новый день.

Постояв, я решил идти в деревню. Если меня бросили в поле, то очень сомнительно, что там будет поджидать засада. Хотели бы добить, добились. А раз не добились, значит задача не стояла. Значит, нужно было меня изолировать на какое-то время. Ценой жизни исполнителей? Ладно, потом подумаю. А сейчас... чем раньше я вернусь, тем больше нарушу планы своих... недоброжелателей...

Я сделал несколько шагов, запинаясь о комья земли. Идти было неудобно и непривычно. Я наклонился... Охренеть! На мне были кирзачи и... галифе что ли? Как у отца. Ну, собственно, у меня тоже такие имелись в своё время, но вспомнил я именно про батины, хотя самого его никогда не видел. Он погиб в Корее, аккурат перед моим рождением.

Его не стало, а брюки сохранились, и я ездил в них на картошку, куда нас гоняли в институте. В такую же, кстати деревушку... М-да... И кто же меня переобул и переодел? Любопытно... Может, у меня провал в памяти?

Я проверил карманы. Пусто – ни телефона, ни документов, ни денег. Ничего. Зашибись. Ну, ладно, это не самая серьёзная проблема, где, как говорится, наша не пропадала... Первым делом надо было выяснить, какое сегодня число. И где я нахожусь.

Я двинул в сторону деревни. Обошёл поле по периметру по мягкой грунтовой дороге, чтобы не скакать по вывернутым пластам земли, но, прежде чем идти в люди, забрался в еловый околос, маленьким островком торчащий на краю деревни.

Затаился среди тонких, жидких и кривых стволов, чтобы не отсвечивать и не привлекать внимание в столь ранний час, а заодно понаблюдаю, нет ли какого нездорового движения. Всё выглядело вполне обыденно. Традиционно даже. Десятилетия проходят, а в нашей русской деревне ничего не меняется – те же дома, те же заборы и даже техника та же самая. Умели же делать...

Мало-помалу рассвело. Фонари погасли, повсюду раздавались утренние звуки. Я решил выбираться. Пройдя по улицам деревни, обратил внимание, что и здесь дороги были грунтовыми, без асфальта.

Зато и пахло по-настоящему, по-деревенски. Дымок, уголь, навоз, скошенная трава, бензин и чистейший, хоть ложкой ешь, воздух. Для любителей «био» самое оно.

Подняв облако пыли, протарахтел мотоцикл, «Урал» с коляской. Дождей, похоже, давно не было ... Чуть поодаль прогремела шишига. Прямо заповедник какой-то. Впереди показались коровы. Они потянулись долгой медлительной вереницей, шагая мне навстречу.

Солнце поднялось выше, щедро проливая золото на весь окружающий мир. Со мной поравнялся пастух лет сорока, с помятой рожей и в не очень чистой фуфайке. На ногах у него были точно такие же сапоги, как у меня.

– Здорово, сынок, – кивнул ему я и закашлялся. – Сегодня какое число, не подскажешь? А то дедушке память совсем отшибло.

Голос был, как чужой, горло саднило. Видать всё-таки простудился, лёжа на меже. Хотя бы почки не застудил да ещё кое-что важное, там и так проблемки имелись...

Пастух хмуро и укоризненно на меня глянул, покачал головой и, ничего не ответив, прошёл мимо. Сделав несколько шагов, обернулся и снова покачал головой.

– Студент, – неодобрительно бросил он, на ходу.

Почему, интересно, студент? Я зашагал дальше, мысленно на все лады склоняя этого самого «студента». Студент, студента, студенту, студентом... Почему студент? Шагал, шагал и остановился, как вкопанный перед зданием администрации. Только... только это была не администрация, а... сельсовет. На стене, рядом с дверью не очень ровно была прибита соответствующая табличка.

РСФСРИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Красноперниковского Сельского Совета депутатов трудящихся Заокского района Тульской области

В голове шевельнулось что-то забытое, но неуловимое, будто укутанное ватой. Я нахмурился. На козырьке над крыльцом был закреплён транспарант с призывом, начертанным белой, местами стёршейся краской на старом выцветшем серо-красном, фоне. «ПРОВЕДЁМ СЕВ ВОВРЕМЯ!»

Я покрутил головой. Дома в округе были добротные, но серенькие, с серенькими же шиферными крышами. Никакой металлочерепицы, синей, коричневой, красной кровли – только шифер, причём не новый, старый, с тёмными пятнами. Заборчики такие... как из юности моей. Вот только... что-то в этом всё меня смущало... в чём-то чувствовался обман... В чём только, я не мог понять.

К сельсовету подкатил газик защитного цвета с брезентовым верхом и чёрными номерами. Белые буквы на чёрном фоне: «62-02 тул». Понял! Машины. Их было мало, но я не увидел ни одной иномарки...

Открылась дверь, и из газика вышел крупный дядька лет пятидесяти в видавших виды офицерских сапогах, пошарканной кожаной куртке и широкой, немного засаленной твидовой кепке. Он шархнул дверцей и, вспугнув трёх пыльных кур, клюющих камушки у крыльца, прошагал мимо меня, поднялся по ступенькам, открыл дверь ключом и скрылся внутри.

И тут мне всё стало ясно. Даже странно, что я сразу не сообразил. Я даже хлопнул себя по лбу. Ну, конечно! Макс! Без него здесь явно не обошлось. Это же его телевизионный проект! Назад в СССР! Правда, зная пижонство Макса, я ожидал бы чего-то более гламурного и яркого, а здесь была самая обыкновенная деревня. Но телевизионщикам, разумеется, виднее, что нужно для поддержания высоких рейтингов.

Я вошёл следом за дядькой в кепке. Дверь на тугой пружине громко хлопнула, и я зашагал, гулко топая тяжёлыми кирзачами по широким деревянным половицам. На стене в коридоре висели портреты передовиков и пришпиленная к доске газета «Правда». На стенде рядом стояли спортивные кубки. Я мельком глянул на «Правду». Семьдесят седьмой год. Зашибись. Главное, листы не жёлтые... Интересно это архивная газета или они напечатали копию?

Ну, Макс, получишь ты у меня! Я разозлился. Нет, получилось эффектно, чего уж там, да только не по-человечески как-то. Во-первых, постановка с похищением и девицей-киллершей стилистически не соответствовала вот этому совершенно советскому селу. А, во-вторых, я вполне ясно дал понять, что ничего общего с ним иметь не желаю. Так он ещё и усугубить решил ситуацию, удар по затылку организовал. Это уж вообще ни в какие рамки! Ну ничего, придётся мне ещё разочек с ним увидеться!

Козья морда. Точно, его рук дело! Хотел, чтобы я как бы случайно сюда попал, будто во времени перенёлся. Сто процентов. Ну, я сейчас его башку ему же в жопу засуну.

Я уверенно вошёл в открытую дверь кабинета с табличкой «Председатель». Тот самый мужик из газика стоял у радиорепродуктора и крутил ручку громкости. Овернул ко мне и, ничего не сказал, слушая дежурный голос диктора.

Развитие советского общества происходит сейчас под нарастающим воздействием идей двадцать пятого съезда партии. Воспринятые миллионными массами, они становятся материальной силой, могущим ускорителем нашего роста...

– Председатель значит? – хмыкнул я.

Он кивнул, продолжая прислушиваться к бормотанию диктора.

Подготовка к юбилею и обсуждение проекта Основного Закона – органически связанные, исключительно важные политические кампании. Партийные комитеты стремятся проводить...

– Чего тебе? – уточнил он, поскольку я ничего не говорил и просто смотрел на него.

Смотрел я, правда, не слишком дружелюбно, непроизвольно примериваясь, куда ему садануть, чтоб вырубить с одного удара. Но дядька-то, может, и не виноват был, что со мной такое произошло. У него было простое широкое лицо, внимательный взгляд, щётка усов под носом. Хотя... нет, что-то он должен был знать, наверняка должен был...

– Максим Хватов где? – хмуро спросил я.

– Не знаю такого, – помотал головой дядька. – Это кто?

– Это кто? – хмыкнув, переспросил я. – Серьёзно? Это ваш продюсер!

– Что за продюсер, из иностранной делегации что ли? Тот что их сопровождал?

– Это тот, кто весь этот балаган организовал, шапито и реалити шоу. Самый главный на проекте вашем. Где он, я спрашиваю?

– Вообще-то, – крикнул мужик, – самый главный, тот кто всё организовал и обустроил – это Брежнев, ну ещё первый секретарь обкома, тоже величина и председатель облисполкома. Но никто из них точно не Максим. Так что ты остынь, паря, и словами про балаган не разбрасывайся. Выпил что ли с утра пораньше? Или не похмелился? Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, да?

– Ну ладно... – вздохнул я. – Вижу, в роль ты хорошо вошёл, молодец. Но не переигрывай, а то ни «Ники», ни «Оскара» не видать тебе, как своих ушей. Где Максим?

Он молча хлопал глазами и ничего не говорил. Я вздохнул.

– Я знакомый вашего Хватова, Григорий Андреевич Стрелец. Мне нужно с ним срочно связаться, но у меня телефона с собой нет.

– По знакомству, значит, – понимающе покивал председатель. – Так может село перепутал? У нас Красноперниково. А тебе куда надо?

– Мне? Мне домой надо. Ты кто, вообще такой? Артист? Театральный или из кино?

– Я не артист, я председатель, – тоном, которым говорят с неразумными детьми, объяснил он. – Жильцов Тихон Николаевич.

– Да хватит уже сценарий свой гнать! – раздражился я. – Я здесь не на экскурсии и не на съёмках.

А, кстати, про съёмки... Я внимательно осмотрел комнату. Под потолком висел круглый купол светильника. На бело-серой стене – выцветший портрет Ленина под треснувшим стек-

лом. У окна стоял крашенный на несколько раз большой сейф, чуть поодаль – пожелтевший шкаф с папками. Здесь всё было подобрано очень толково, включая репродуктор радиоточки, и висящее на стене зеркало в тёмной деревянной раме.

На столе стоял старый массивный телефон из чёрного пластика. Такие в фильмах про войну показывают. Стол тоже был старый. Всё прямо очень натурально сделано и мест, где можно разместить видеокамеру просто миллион.

Я пристально, испытующе посмотрел на председателя.

– Откуда ты такой взялся? – усмехнулся он. – С луны что ли свалился?

– Из ЦРУ, – отрезал я. – Заканчивай, Тихон Николаевич, свой телемарафон. Знаю я, чем вы тут занимаетесь. Отлично знаю.

Тот удивлённо поднял брови и пару раз моргнул. В этот момент хлопнула входная дверь и в коридоре раздались шаги.

– Ладно, – сердито кивнул я. – Каши с тобой не сварю, я вижу. Мне позвонить нужно. Телефон работает или бутофория?

– Не работает, – пожал он плечами. – Обрыв на линии. Третий день уже кукуем.

– Достал уже, честное слово со своими играми! Какое число сегодня?

– Девятое с утра было...

– Да? А чего ж ты не на параде тогда? С днём Победы!

Он нахмурился.

Ну, потому что это был полный бред и не понимать он не мог. Меня отправили на пенсию одиннадцатого мая, в субботу. Вечером я встретился с Максом в баре. Потом случилась заварушка. Значит, сейчас должно быть минимум двенадцатое. А если предположить, что заварушка была не вчера, то, может, тринадцатое и даже четырнадцатое, но уж никак не девятое.

Я покачал головой.

– Девятое сентября, – добавил он.

– А-а-а, – с иронией в голосе кивнул я. – Ну, ясно. Семьдесят седьмого года.

– Точно...

Я подошёл к столу председателя, сорвал телефонную трубку, приложил к уху и услышал тишину. Телефон действительно не работал. В это время в кабинет кто-то зашёл. Я обернулся и увидел милиционера.

– Здорово, Николаич, – прищурился мент.

– Здорово, Михалыч, – спокойно ответил председатель.

– Есть мобильный? – спросил у него я.

– Чего?

– Понятно, – кивнул я и повернулся к милиционеру. – А у тебя, Анискин?

Он тоже был уса́тый. Щуплый, злой, лет тридцати, с пшеничными волосами, выпуклыми водянистыми глазами и красными веками. На Анискина из кино он явно не походил, но должность имел, вероятно, такую же. Участковый.

– А кто это у нас такой? – несколько игриво проговорил он и изогнул правую бровь.

– Да вот, – усмехнулся председатель, – сотрудник ЦРУ, Григорий Андреевич Стрелец. Вербовать меня пришёл, а заодно навести справки о Максиме Хватове. Ты не слыхал про такого?

– Нет, – нехорошо усмехнулся тот. – Про Хватова не слыхал, а вот про Стрельца слыхал, ещё как слыхал. ЦРУ, значит? Отлично, выходит скоро премию получим за задержание шпиёна... А я-то думал он студент. А оно вона, как оказалось. Все считали, что его с остальными студентами на уборку прислали, а он председателя вербовать приехал. Понятно.

– Выходит, что так, – заулыбался председатель. – Но, судя по тому, что голова в крови, не всё гладко в шпионской судьбе.

– Ага, – осклабился мент. – В ЦРУ его не учили, что у русских есть секретный приём, ресурса от трактора «Беларусь» называется. Или чем там тебя приложили? Этот Стрелец, вчера в клубе подрался с шабашниками. С одним шабашником, с Мурадяном. Нос ему сломал, между прочим.

– Это он по личному поручению президента Картера, – усмехнулся председатель. – Тот я думаю, чего у него башка в крови. Выпытывал у шабашника Мурадяна, где агент Хватов прячется.

Они засмеялись, а вот я нет. Фамилия Мурадян вспышкой опалила мозг. Я прищурился, пытаюсь понять, что здесь происходит. Это что, сюрприз от Макса? Вряд ли... Откуда вообще ему было знать? Нет, истории про ту давно забытую драку с шабашником Макс точно знать не мог. Да ещё и фамилию. Я и сам не помнил, что того придурка Мурадяном звали. Пятьдесят лет прошло, срок немалый. Так что никак не мог Макс знать об этом. Так откуда этот лейтенант знает?

– Пошли, Стрелец, – ухмыльнулся мент. – Будем протокол составлять. Заявление на тебя написали.

– Мурадян что ли написал? – уточнил председатель.

– Ну, а кто? Он, конечно. Иди сюда, я сказал.

Вот же Петрушка, пытается изображать настоящего мента. Бред какой-то. Я тряхнул головой, прогоняя морок, и почувствовал боль в затылке. Она накатила волной, а лейтенант с воспалёнными глазами шагнул ко мне.

– Пошли, тебе говорят!

– «Пошли», – усмехнулся я, – это когда послать просят. Тебя послать, Михалыч? Я правильно понял?

– Чё? – выпучил он глаза.

– А если приглашают пройти, говорят «пойдём». Запомнить довольно просто, если не хочешь, чтоб тебя посылали постоянно.

Председатель засмеялся.

– Я тебя сейчас так пошлю, говнюк, – озлобился мент и бросился ко мне, пытаюсь вцепиться в руку. – Умник!

Я не стал его вырубать, просто ухватил за мизинец и резко вывернул, загибая в сторону и заставляя участкового изогнуться всем телом так, будто он резиновый. Впрочем, я тут же его отпустил, только немного подтолкнул. Ему даже больно не было. Почти. Но он от неожиданности резко вскрикнул и широко шагнув, чуть не упал.

– Ах, ты!!! – возмущённо заорал он. – Я при исполнении!!!

Я на него даже не взглянул. В этот момент все мои мысли смешались и разлетелись, выстрелив, как конфетти из хлопушки. И сердце ухнуло, и земля – из-под ног, в общем, всё это. Пока я умирал мента, сам сдвинулся в сторону и сейчас оказался перед зеркалом.

И из этого старого, в тёмных пятнах и патине, зеркала на меня смотрел... я. Это, вне всяких сомнений, был я, собственной персоной, только почему-то очень и очень молодой. Прямо юный, как на фотографиях в мамином альбоме...

В этот момент ко мне ринулся разъярённый участковый и я... я вспомнил!

– Гуськов! – удивлённо воскликнул я, извлекая из клочков ваты его фамилию. – Лейтенант Гуськов! Ты же Гуськов, да?

– А? – опешил тот, и я, воспользовавшись замешательством, потянул его к себе и поставил рядом, чтобы можно было видеть его в зеркале.

Странно... он был одинаковым и в натуре, и в зеркале. А вот я по-прежнему в зеркале выглядел желторотым юнцом...

Шиза...

Трындец, вот так внезапно подкралась шиза. Или деменция. Или психотропные. Раз была операция, могли какую-нибудь гадость вколоть... Чего-чего, а гадостей разных существует великое множество. А может, я уже давно ку-ку, поэтому меня и выпнули на пенсию?

Я поднял руки и внимательно их осмотрел. Они были грязными, но да... вроде молодыми. Я похлопал себя по животу и бёдрам. Комплекция у меня не менялась, за пятьдесят лет я не раздобрел и мышцы до сих пор имел железные, так что... Расстегнул клетчатую ковбойку. Седины на груди не было, кожа выглядела гладкой и упругой. Вещества или шиза? Скорее, всё-таки вещества...

Председатель и участковый ничего не говорили, только ошарашенно наблюдали за моими действиями, а из репродуктора продолжал литься жизнерадостный голос:

Верх-Исетский завод по праву называют ветераном уральской промышленности, приятием славных традиций. Свыше трёх тысяч тонн проката сверх задания выдал коллектив предприятия с начала года...

– Короче, – нарушил оцепенение лейтенант Гуськов. – Хватит дураком прикидываться, двигаемся в сторону отделения. Стрелец, слышишь меня?!

Я только головой качнул, продолжая размышлять.

– Быстренько-быстренько! – начал распаляться он. – На выход, я сказал! У тебя хулиганство уже имеется, не доводи до воспрепятствования представителю власти! Ты чё не понял?!

– Отстань, Гуськов, – отрезал я. – Не хватало мне приказы воображаемых существ исполнять. Сгинь, видение юности. Химера многословная.

– Ну ты напророчился! – взорвался он. – Это я тебе точно так не оставлю!

Лицо его сделалось красным, а глаза из орбит полезли.

– Я тебя предупреждаю, Стрелец! Шутки кончились! Ты задержан!

Я хмуро и раздражённо глянул и шагнул в его сторону.

– Стоять! – нервно воскликнул он отскакивая. – Стоять! Я предупреждаю! Я стрелять буду!

Рука его легла на кобуру, прицепленную к поясу, и пальцы начали остервенело дёргать застёжку.

– Заело что ли? – усмехнулся я.

– Ты у меня щас посмеёшься!

В этот момент в комнату ворвалась крепкая баба. Она влетела, как огненный вихрь, с грозным видом оттолкнула Гуськова в сторону и кинулась прямо ко мне.

– Вот ты где! Не соврал значит Данилка пастух. Ну всё, студент! Кранты тебе! Я с тебя живого точно не слезу!

3. На деревню дедушке

Эту бабу я помнил. Такое, как говорится, не забывается. Гавриловна, конечно... человек-тайфун. Надо же...

– Ну, – улыбнулся я, – добро пожаловать на вечер моей памяти. Как вчера всё было.

Бата начала рассыпаться, и на меня нахлынули воспоминания. А неплохая штукавина... Ну, та, что враги человеческие мне кололи.

– Гавриловна! – воскликнул председатель. – Оставь парня в покое! Глянь, у него вся спина в крови и полголовы нет, его в медпункт надо.

– А я сейчас и вторую половину оторву! – рывкнула она. – Но сначала яйца!

– Он под арестом! – вступился за свою добычу участковый, но Гавриловна на него даже не взглянула.

– Доставай хозяйство! – напирала она на меня. – Рвать буду! Вот этими руками!

Она сунула мне практически в нос свои натруженные изработанные кряжистые ручищи, огромные, как богатырские дубины.

– Рвать-то зачем? – засмеялся я.

– Ты чё ржёшь, жеребец городской? Ты чё ржёшь? Я тебе сейчас поржу, я тебе поржу, я тебе...

– Так, ну-ка немедленно прекратить балаган! – вскричал рассерженный неуважительным отношением участковый. – Стрелец, на выход, а ты Гавриловна... ты того... в сторону отойди.

– А ты стрельни в меня, – с вызовом бросила она. – Ну? Чё? Боишься, что не попадёшь из огурца?

– Из какого огурца?! – опешил он.

– Из такого, немазанного и сухого! Из того, что ты как закус с собой таскаешь. Вон, шары красные, залил с самого утра! Представитель власти, мать твою за ногу! Думаешь, никто не знает, что у тебя огурец в кобуре, как в том фильме?

– Ты... ты... ты доиграешься! Увидишь, какой там огурец! Сейчас вместе со Стрельцом в камеру посажу.

– В какую? – громко захохотала она. – Не смей меня! Алкаш!

– Нет, это прям «Солярис» какой-то, – помотал я головой и поморщился от боли.

– Короче, студент, ты тут умными словечками не жонглируй. Ты Галку мою спортил?

– Кто сказал? – чуть приподнял я брови.

В кабинет зашёл пожилой сухонький дядечка, похожий на бухгалтера, в очках, замотанных синей изолентой. Он встал в сторонке и начал вникать в происходящее, поочерёдно и крайне внимательно разглядывая всех участников собрания.

– Чего, Пётр Петрович? – спросил председатель.

– Мне подписать, но я не тороплюсь, вы продолжайте, товарищи, делайте своё дело.

– Какая разница, кто сказал! – горячилась Гавриловна. – Спортил или нет, отвечай! Только правду, смотри! Не дай тебе Господь соврать!

– Так у Галки и спроси, – пожал я плечами.

– Нет, поглядите на него, товарищи дорогие! – всплеснула она руками. – Как петушка своего из клетки выпускать, так это мы пожалуйста, а как ответ держать, так за девку прячемся? Это что же делается такое, люди добрые?

– Тебе кто сказал про меня с Галкой? Мурадян? Ну, так с ним и разбирайся, я за его слова отвечать не буду.

– У меня разговор простой, спортил девку – женись, паскудник!

– Антонина Гавриловна, приди в разум! – покачал я головой. – Ты чего творишь? Бегаешь по селу и на дочь свою честную клеветишь? Ну, мать! С такой матерью и Мурадяна не надо никакого.

Она, обалдев, открыла рот и смотрела на меня выпученными глазами. Остальные тоже. Немая сцена, практически. Пятьдесят-то лет назад я не нашёлся, что ей ответить и бегал от неё до конца работ. Глупый был, неопытный. Заступился на танцах за девушку, а там и закрутилось. Её, конечно, в джип никто не запихивал, но и без джипа ситуация аховая была.

– Ты чё несёшь, студент! – наконец, вымолвила она.

– Антонина Гавриловна, погодите, – раздался женский голос.

В комнате было уже прилично народу, привлечённого шумом баталий.

– Тут дело такое, тут ещё разобраться надо, – серьёзно заявила девушка в очках и косынке.

Тоненькая, пацанка совсем, пигалица, но боевая. Тяжёлые волосы подвязаны платочком, простая белая блуза, юбочка до колен колокольчиком, туфельки на невысоком каблукке. Просто образцовая комсомолка с агитплаката.

– Соловьёва, – удивлённо воскликнул председатель, – и ты здесь? Ты же в район должна ехать!

– Погодите, Тихон Антонович, вопрос принципиальный. Мы на комитете собирались его на повестку ставить! Шабашники, это, конечно хорошо, свинарник новый, это всё понятно, но надо ведь какие-то рамки, вы меня понимаете? Участковому наплевать, значит мы должны общественность мобилизовать.

– Что значит наплевать! – возмущённо отозвался Гуськов. – У меня материальные средства отсутствуют.

– Люська, не лезь! – гаркнула Гавриловна. – Тебе только про общественность свою почирикать. А у меня вопрос жизни и смерти!

– А я, Антонина Гавриловна, прямо к вашему вопросу и подвожу, – настойчиво гнула свою линию барышня в очках. – Этот Мурадян давно нарывался. Галина от него уже больше месяца не знает, куда деваться. Обижает он её, пристаёт, проходу не даёт. И если бы не самоотверженный поступок товарища Стрельца, вообще неизвестно за кого бы сегодня свою дочку вы, Антонина Гавриловна, сватали.

О, как! Самоотверженный поступок. А где же ты пятьдесят лет скрывалась, правдолюбивая девушка Люся? Меня ведь тогда чуть из комсомола не выперли.

– Ты полегче! – рыкнула Гавриловна.

– Галина, это та, с коровника что ли? – уточнил бухгалтер в очках. – Галка, да? Шустрая такая?

– Ну, Галка, с коровника, ты ж знаешь её, – махнул на него председатель. – Дочка Гавриловны. Никакая не шустрая она.

– Так её Мурадян обижает? – сдвинул фуражку на затылок Гуськов.

– Не знает, куда деваться от него.

– А чё молчала-то?

– Да не молчала она! – притопнула от досады Люся. – Она вам лично сто раз жаловалась. При мне!

– Ну, жаловалась, – развёл руками участковый. – Сами знаете, жалуются они, а потом сами же замуж бегут. А я что без доказательств? Пока деяние не совершилось, я что могу-то? Она поди сама задом перед ним крутила, покрутить там есть чем, это так, между делом. А как до ответа дошло, сразу спасите-помогите! А это уже вопрос к семье, чему её дома учат и какой пример подают. Семья и школа, так сказать.

– Да я тебя в бараний рог сверну! – возмутилась Гавриловна.

– Милиция должна воспитывать и предотвращать, – назидательно сообщил бухгалтер.

– Так вот, сейчас Стрельца за хулиганство привлеку, остальным наука будет, – усмехнулся мент. – Вот вам и воспитание, и профилактика.

– Это что же делается, товарищи? – не унималась Люся. – Он от хулигана девушку защитил, вступился за неё, один против этого животного, которого даже милиция опасается...

– Но-но-но!

– А как это ещё назвать? Конечно, опасается. Он дал агрессору по морде и сам пострадал, а вы его что, в тюрьму за это? Эх, вы, товарищи! Стыдно должно быть! У нас здесь не дикий Запад, не капитализм. Это там человек человеку волк, а у нас должно быть наоборот! А на деле что получается? Комсомольская организация этого так не оставит. Мы и в ГУВД будем писать и в министерство капитального строительства, если надо, и в совет министров напишем!

– Слушай, Михалыч, – вступился за меня председатель. – Оставь ты его. Парень-то путёвый вроде. Ну, жахнул вчера видать. Дело-то молодое, с кем не бывает?

– Ты чего, Тихон Николаич? – обалдел милиционер. – С дуба что ли рухнул? Он же на представителя власти... на твоих же глазах... Мизинец мне сломал!

– Какой мизинец! – снова активизировалась Гавриловна, попытавшись схватить меня за грудки, но я мягко отвёл её руки, развернув лицом к Гуськову.

Она тут же снова ко мне повернулась.

– Погодите-ка! Ты сказал Мурадяну, что Галка теперь твоя любовница? Сказал, что ему не светит? Что у тебя с ней шуры-муры, сказал? Женись теперь, раз такой ходок! А то приехал, девку спортил, а потом я – не я, и лошадь не моя?

– Во-первых, что я ему сказал, это никого не касается, – пожал я плечами. – Пару слов сказал, да, но ему, а не жителям села и не парткому, не комитету комсомола и даже не исполкому сельсовета. Слова эти были непечатные, хотя и отрезвляющие, так что повторять не просите, тем более, при дамах. А вот, что шабашник Мурадян наговорил вам, так это я не знаю. Это вы его к ответу призывайте. Галина девушка глубоко порядочная и совсем не такая, чтобы задом крутить. Скромная и даже зажатая. Танцует только с подружкой, парней близко не подпускает. Это по моим наблюдениям.

Поразительное дело, все детали тех событий всплыли в мозгу до мельчайших подробностей. Будто случилось только вчера. И вообще, сейчас я чувствовал себя спокойно и свободно, как если бы действительно оказался в собственном прошлом.

– Но факт хулиганства никто не отменял, – стоял на своём Гуськов.

– Да какое хулиганство, – махнул на него Антоныч. – Я за это хулиганство ему от себя лично пол-литру подарю.

– Этот Мурадян давно нарывался, – вступила тётка в тёмно-синем рабочем халате, до этого молча наблюдавшая за происходящим. – Галина от него не знала, куда деваться. Он ей такие гадости говорил, я лично слышала. Что и так её и эдак, а потом ещё и по-звериному.

– Короче, – твёрдо заявил председатель, – не трогай ты парнишку, Михалыч. Лучше Мурадяна проработай. Здоровый бугай на пацана напал, это что за дела вообще? Это хорошо, пацан толковый попался, постоять за себя смог, да и за девок тоже. А другого бы Мурадян этот калекой сделал.

Да, Мурадяна все боялись. А мы с парнями его уделали. И за Галку заступились, но не только в ней дело было. Слишком он вызывающе вёл себя. Местных задирал, нас, студентов. Интересно, у нас с деревенскими конфликтов не было, весь пыл на шабашников уходил.

– Ну... – неуверенно пожал плечами Гуськов. – Ладно тогда... Раз обижает, займёмся... Но вот этого... Нельзя так! Недопустимо!

– Так не портил что ли? – озадаченно уточнила Гавриловна.

– Ступай, матушка, с дочерью своей потолкуй, – посоветовал я.

Конфликт разрешился.

– Пол-литру, Тихон Антонович, – подмигнул я председателю, – ну, которую вы мне в качестве премии анонсировали, вы её товарищу лейтенанту отдайте. Ему стимул нужен и, опять же, для храбрости хорошо.

– Чего? – недовольно отозвался тот.

– Ты, Гуськов...

– Товарищ лейтенант, во-первых! – возмутился он.

Я постарался скрыть улыбку. Я таких лейтенантов столько в жизни повидал... но ладно, молчу, раз такое дело.

– Хорошо, – кивнул я. – Ты, товарищ лейтенант, не серчай на меня за мизинец. Я же так, в рамках самозащиты. Не со зла, короче.

– Не со зла, – недовольно повторил он, шевеля мизинцем, но по голосу я понял, что инцидент исчерпан, по крайней мере, на время.

Зуб он на меня наточит и при случае вонзит, конечно... Ну... то есть, наточил бы и вонзил бы, если б это всё было взаправду.

– Люся, – окликнул председатель, выходящую из кабинета активистку. – Погоди-ка, отведи Стрельца в медпункт.

– Так мне же ехать, – растерялась она.

Одно дело на собрании пашкой махать, а другое – с живым героем по деревне идти.

– Ничего, отведёшь и поедёшь, всё одно теперь уж автобус через час только будет, утренний-то ты пропустила.

– Люся, спасибо, что выступила, – прищурившись, сказал я, когда мы вышли из здания сельсовета.

Она глянула мне в глаза и смутилась. Зарделась, отвернулась, начала экстренно поправлять очки и косынку. Любопытно, но из предыдущего варианта своего прошлого я её не помнил, не пересекались мы с ней, а она оказывается была в курсе подвигов моих. Интересно. Да и сходки вот этой не было. Может, это сознание моё старческое сбоит? Интерпретации и вариации выдаёт. Хотя, положи руку на сердце, семьдесят три – это активный и бодрый возраст ещё...

– Ну... я же не из-за вас, – пожала она плечами. – Тут ведь вопрос принципа, понимаете? Справедливость она же превыше всего.

– Справедливость или закон?

– В каком смысле? – удивилась Люся. – У нас закон самый справедливый в мире.

– Верно, – согласился я, – только вот смотри, сегодня Гуськов предлагал действовать сугубо в рамках закона, а ты вот вышла на более высокий уровень, апеллировала к справедливости. Значит есть разница?

– Ну... – она снова смутилась. – Это частный случай был.

– Не частный, просто мы должны строить общество, не бездумно ориентированное на исполнение холодного закона, а что-то другое.

– Что же?

– Царство справедливости. Как тебе? Годится на историческую миссию русской цивилизации?

– Что? – округлила она глаза.

– Царство справедливости, – с усмешкой повторил я.

– А почему царство? С царями у нас разговор короткий. Поцарили уже, хватит.

– А как же тогда «... в царство свободы дорогу грудью проложим себе»? – процитировал я Варшавянку.

Взгляд мой невольно упал на её грудь, маленькую, девчачью, но трепещущую, пролагающую дорогу в царство справедливости. Она снова густо покраснела.

– Вот фельдшерский пункт, – не глядя на меня, махнула она рукой на одноэтажное здание, сложенное из железобетонных блоков. – Дальше вы уж сами, мне в район надо.

– Ну, давай, счастливо съездить. В клуб-то придёшь сегодня?

– Что? – глаза её округлились.

Стать ещё краснее было невозможно, дошла бедняжка до предела.

– Приходи, продолжим дискуссию, – подмигнул я. – Ну, и потанцуем заодно. Чего там гоняют нынче? Бони М с Аббой?

– Не знаю... – помотала она головой. – Может быть...

Я постоял, глядя ей вслед и понял за что зацепился взгляд и что было не так, когда я осматривался перед сельсоветом. Деревья, кусты, цветы... вся растительность была осенней, не майской. Что же это такое со мной происходит? Может, это я на том свете уже? Или я должен пройти испытание какое? Жизнь заново, как в «Горячем камне»? А может, поменять что-то?

– Чего стоишь-то? – послышалось за спиной.

Я обернулся. Ну надо же, Алевтина. Точно, она. Яркая, пылкая, одинокая. Фельдшер, ищущий счастья, любви и ласки. И волосы, как тогда, собраны в шишечку на затылке. А, кстати, в первом варианте моей жизни сегодняшнюю ночь я провёл здесь, в этом медицинском учреждении, под неусыпным надзором Алевтины, самоотверженно спасавшей меня без сна и покоя. А нынче вот как-то не задалось. Эх, молодость, усмехнулся я своим мыслям и двинул в её сторону.

– Да уж... – озабоченно промурлыкала спасительница, разглядывая мой затылок и случайно касаясь напряжённой грудью моей спины. – Почему вчера не пришёл? Это ж дело надо было сразу обработать. А ты что? По девкам шлялся?

В процедурном пахло спиртом, ещё чем-то сугубо медицинским и рижскими духами. Губы у Алевтины были ярко окрашены, глаза подведены. Знойная женщина, мечта поэта.

– Ну какие девки, Аля? – развёл я руками. – С разбитой-то головой?

– Что?! – вздёрнулась она. – Какая я тебе Аля? Ты, я смотрю, резвый жеребчик, да? Вокруг да около ходить не любишь? Аля, ну надо же. Аля! Вот пропишу постельный режим и сорок уколов в живот, а потом запру здесь в лазарете, будешь знать тогда, какая я Аля.

Да знаю уже, какая. Всем Алям Аля. Но сейчас настроения предаваться безумствам любви у меня не было. Слишком неопределённым казалось положение. Где я, кто я, как говорится, и куда иду, было совершенно неясно. Да и... не в каждую реку стоит пытаться войти дважды.

Нет, Аля, без сомнений, была девушкой замечательной. В ней бурлила горячая страсть и чувствовалась ненасытная жажда. Опыт, опять же, пусть не слишком большой, как я понимал сейчас, но имелся. Кроме этих положительных качеств стоило бы отметить отсутствие зажатости и стыдливости и преданную любовь к занятию, которому она отдавалась самозабвенно. Всё это превращало её в пылкую и редкую любовницу, связью с которой нужно было дорожить.

Да только я-то был не мальчишкой, охочим до приключений. Сейчас меня трудно было соблазнить одной лишь упругостью и размерами полусфер. С той поры, когда я упал в жадные объятия Алевтины, я кое-что на своём веку повидал. И женат был, и любим неоднократно, да и сам не терялся.

Работа моя была связана с командировками, а командировки – с риском для жизни и стрессом. А со стрессом как лучше всего бороться? Вот именно... Да и, к тому же, сейчас голова моя другим была занята. И бодрость телесная оставляла желать лучшего. В общем, не ко времени были её ласки.

Алевтина обработала мне рану. Зашивать не стала, хотя в прошлый раз шила по свежачку. Сейчас всё промыла, намазала вонючей мазью Вишневского и замотала голову, как герою Шипки.

– Ну, хорошо, как же тогда, если не Аля? – поинтересовался я.

– Алевтина Валерьевна, для начала. И почаще. И с улыбочкой.

– Аля, милая, – нахмурился я, – эконошь бинт и не отвлекайся. Не делай мне шлем космонавта, умоляю. И так от меня разит, благодаря твоим благоволиям, так ещё и голова будет, как бочка.

– Не бойся, будешь первым парнем на деревне, – ухмыльнулась она, завязывая на бинте маленький узелок. Завтра на перевязку. А за «Алю» придётся отвечать по всей строгости.

– Не часто перевязка?

– Могу и чаще. Ты про строгость понял?

– Алечка, я не только понял, но и представил всё, как наяву.

Она засмеялась, откинула голову и красные губы её задрожали, обнажая белоснежные зубы.

– Ты к вечеру ближе приходи, – отсмеявшись, сказала она. – От работ я тебя освобождаю, но не от благодарности. Ты понял? Сегодня у меня дела, а вот завтра вечер свободный.

– Понял, конечно. Считаю, что вечер уже занят.

Сегодня к ней тётка приехать должна была. Поразительно, какие мелочи в памяти всплывали, невероятно, просто. Если это какое-то вещество, то от желающих попробовать на себе отбоя не будет.

Внезапно в дверь ударили. Вернее, её просто толкнули, но она оказалась закрытой.

– Ну, ладно, хорошо, раз понял, – кивнула Аля и повернулась к двери. – Кто там?

Раздался нетерпеливый стук. Когда она успела запереть дверь? Во, даёт!

– Открой! – раздался глухой мужской голос.

– Минуточку! – холодно и не особо дружелюбно ответила Алевтина и процокала каблучками в сторону двери.

Ключ в замке лязгнул, и ровно в тот же миг дверь стремительно отлетела, чуть не прибив фельдшерицу. Она вскрикнула и едва успела увернуться.

– Чё запёрлась? – рыкнул, появившийся в проёме здоровенный черноволосый мужик.

Помимо чёрных волос у него были огромные, как у панды, чёрные круги вокруг глаз и здоровенный распухший шнобак, заклеенный пластырем.

– Боз! – прорычал он, переводя взгляд с меня на Алю и обратно.

Здоровый хряк, я уже и забыл, каким он был крепким...

– Ох, Мурадян, – покачал я головой. – Плохие слова говоришь, некрасивые. Впрочем, что можно ждать от такого тупого мудака, как ты?

– Загрызу, сука! – захрипел он и рванул ко мне.

4. Молодой волк

Положение у Мурадяна было изначально более выигрышным. Он находился в двух шагах, готовый к броску, а я сидел на кушетке в неудобной, надо отметить, позе, да ещё и Алевтина тут мельтешила. Он навис надо мной, в позиции нападающего, а я в позиции обороняющегося. Ясно, что он решил реализовать преимущество.

Тупой-тупой, но на животном уровне чувствовал, когда можно совершать бросок. Чисто инстинктивно, как зверь. Неподготовленный, застигнутый врасплох противник – что может быть лучше? Особенно, когда традиции, недавнее унижение и привычка доминировать вытесняют из головы даже тот минимальный здравый смысл, которого и так-то немного было.

Вот он и рванул вперёд. Как бизон, как бронепоезд. Ему надо было задавить меня массой, подмять, обескуражить, а дальше уже молотить, душить и ломать. И, скорее всего, тогда, пятьдесят лет назад, а если быть более точным, то сорок восемь, я двадцати пятилетний студент, получил бы значительный урон в этом бою. Да только со мной с той поры произошло много всего интересного.

Поэтому, врасплох он меня не застал. Более того, я намеренно его спровоцировал, чтобы он вот так, как полный дебил, с налитыми кровью глазами, бросился головой вперёд. Аля не очень удачно дёрнулась, случайно заступив ему дорогу, и тут же отлетела в сторону. Она только чудом не снесла белый застеклённый шкаф-витрину, вlepившись в стену.

Мурадян обрушился на меня всем своим весом, вернее, собирался. Но я совершил абсолютно немыслимый для семидесятилетнего деда кульбит и проскользнул под его левой рукой, одновременно с этим подхватывая, увесистый, сияющий стеклом и металлом шприц. Он лежал в изогнутой эмалированной ванночке на белом металлическом столике.

Мурадян, разумеется, остановиться уже не мог, поскольку инерцию отменить был не в состоянии, и обрушился на чудом выдержавшую его вес, кушетку. А я, оказавшись у него за спиной, с силой поставил колено ему на позвоночник и, схватив за космы на затылке левой рукой, резко дёрнул на себя.

Он взвыл и... замер, будто в камень превратился, даже дышать перестал. А всё потому, что прямо в его зрачок с расстояния буквально пары миллиметров нацелилось жало шприца.

– Да ты не уймёшься? – тоном Ивана Грозного поинтересовался я. – Я бы мог прямо сейчас сломать тебе позвоночник или свернуть шею, не говоря уже о лишении зрения. Ну-ка, скажи: «хулиганы зрения лишают».

– А-а-а? – вопросительно завыл он.

– Повтори-повтори, – потребовал я приближая шприц ещё ближе к зрачку.

Он промывчал что-то нечленораздельное.

– Ладно, не плачь. Сейчас уберу колено, но если дёрнешься, останешься без глаза. Понял? Давай, тихонько. Так, хорошо, поднимайся... Жопу свою толстую двигай! Вот так. Вставай. Вставай, я сказал!

Я подвёл его к двери, убрал руку и зарядил могучий пендаль под зад. Он отлетел к стене и сшиб несколько фанерных стульев, как из икеи. Упал, но вмиг вскочил, резко обернулся и ощерился, готовый напасть или отражать мои удары.

Я стоял перед ним совершенно спокойно и расслабленно, демонстрируя полную уверенность в своём превосходстве.

– Ещё раз тебя увижу, – кивнул я, – шею сверну. А если ещё раз к Алевтине заявишься, хер тебе отчекрыжу. И она засвидетельствует, что это была самооборона. Ты понял, боров? Всё пошёл отсюда. Пшёл, я сказал!

Напасть он больше не решился, так что послушался, но двинулся, как отступающий хищник, медленно и типа независимо, при этом яростно сверкая глазами и щерясь во всю пасть. Укусил бы, если бы смог. Иллюзий в его отношении у меня не было. Я был уверен, что он ещё не успокоился. Но что было делать? Убивать при Але? А потом и её, да? Смешно.

– Кабздэц тебе, – бросил он, дойдя по коридору до входной двери.

В качестве доказательства он ткнул двумя пальцами себе в шею.

– Сегодня если в клуб сунешься, я тебя на перо поставлю и всех дружков твоих, понял? И девок ваших разорвём, а потом общагу вырежем. Сегодня всё решать будем, студент. Считай, ты покойник уже.

– Нет, надо было всё-таки ему в задницу хлорида натрия вколоть, да чтоб концентрация побольше, как думаешь? – подмигнул я, потерявшей дар речи Алевтине. – Так, Мурадян, ну-ка вернись-ка. Иди сюда, мы тебе укольчик сделаем.

Но он испытывать судьбу не захотел и мухой вылетел из медпункта.

– А ты чем сегодня вечером занята? – невинно спросил я.

– Да, ко мне тётка сегодня... – начала она и осеклась – Ты думаешь, я...

– Ну, как же ты так, Аля? – покачал я головой. – Ты что, с этой обезьяной дружбу водишь?

– С ума сошёл?! —с видом оскорблённой невинности воскликнула она и широко распахнула глаза, и я понял, что да, водит.

– Не советую, Аля. Честно, не советую.

Когда я вошёл в общагу, вернее туда, где мы обитали, гремела гитара, а народ самозабвенно горланил:

Меня вчера укусил гиппопотам,

Когда я в джунгли вечером залез.

Я здесь сижу, а нога моя там,

А гиппопотам ушёл обратно в лес...

– Смотрите, Стрелец пожаловал! – крикнул кто-то, прерывая песню

Увидев меня, все повскакивали с кроватей и бросились навстречу. Подбежали, окружили, загалдели.

– О! Боец вернулся!

– Весь израненный!

– Точно! *Голова обвязана, кровь на рукаве...*

И тут же несколько человек затащило хором:

– *След кровавый стелется по сырой земле...*

– *Хлопцы, чьи вы будете, кто вас в бой ведёт?* – усмехнувшись, продекламировал я. – *Кто под красным знаменем раненый идёт?*

Ребята снова загалдели.

– Ты где пропадал?

– А мы уж думали, ты в Москву укатил!

Наша студенческая берлога располагалась в старой, ещё царских времён, кирпичной казарме. Здесь раньше воинская часть стояла, но её передислоцировали сто лет назад, ну а помещение сейчас использовали для студентов, а до этого для интерната, а ещё до этого в качестве общаги.

Жили мы здесь все вместе— и парни, и девчата. Простыня, подвешенная на верёвке, разделяла помещение на женскую и мужскую часть. Туалетов и умывальников было несколько, так что особых неудобств не возникало. Был даже душ, но его уже в качестве новодела замастырили, и туда всегда очередь стояла.

Казарм я в своей жизни повидал не меньше, чем лейтенантов, но эту вот всегда помнил – и стрельчатые окна и сводчатые потолки, и, главное, вытянутые до пола сетки кроватей.

– Да, куда ж я без вас, братцы, – расплылся я в улыбке, рассматривая друзей своей молодости.

Многих уже и в живых давно не осталось, а здесь они все были воплоти, и на призраков совсем даже не походили, молодые, свежие, полные надежд и идеалов.

– А вы, значит филоните, – усмехнулся я. – В поле не поехали, песни, значит, поёте?

– Нам сегодня машины не подали, послали грузовики куда-то в другие места. Сказали ждать.

Это я тоже помнил.

– Вот мы и ждём.

– А дождались Стрельца!

– О! – поднял палец вверх Мишка Вешкин. – *Что-то стало холодать!*

– *Не пора ли нам поддать?* – отозвались Верка Жукова и Костя Новиков, и уже хором все закричали:

– *Не пора ль послать Стрельца за бутылочкой винца?!*

Да, поток у нас был огонь, как молодёжь сейчас говорит, дружный. И да, в этом стишке всегда «гонца» заменяли на «Стрельца».

– Расскажи, куда ты пропал-то?

– Да, он у фельдшерицы на попечении был, вон рожа довольная какая!

– Какая довольная! – со смехом возмутился я. – Не видишь повязку что ли? Мне сто семнадцать швов наложили!

– Ага! Всю ночь накладывали!

– По всему телу.

– Хотя бы там в темноте-то не зашили чего не того, а то знаете как бывает.

– А-ха-ха!

– Швы накладывали на места, которые от стараний трескались!

– Нет, ребят, это у него губа трескалась, от несбыточных желаний.

– Ах, зараза, Клюева! – погрозил я пальцем. – Злая ты.

Да это была, Ляля Клюева. Ну надо же! Хорошенькая какая, сексапильная, как мы тогда говорили. Томная, изнеженная и якобы такая вся аристократичная и очень загадочная, а ещё чувственная. Тонкая кость, яркие чувства, острый ум.

Она ведь, когда история с фельдшерицей на свет выплыла, мне сцену устроила, обычную, кстати, не аристократичную, а вполне себе плебейскую. А я, дурачок молодой, клюнул на неё, залип. Ох много она мне крови попила, было дело, и в плане чувственности, кстати, оказалось всё совсем не очень, не фонтан.

Я насмешливо погрозил ей пальцем, а она недовольно и неодобрительно поджала губы и отошла, ожидая, вероятно, что я тотчас кинусь за ней. Ну-ну. Я усмехнулся.

Ребята, девчонки такие весёлые были, жизнерадостные, и я вдруг поймал себя на мысли, что не смотрю на происходящее, как сторонний наблюдатель, а живу, проживаю момент, наслаждаясь и радуясь, как будто действительно стал юным и беззаботным.

– Где? Где этот титан, неукротимый молотобоец и отец русской демократии?

Раздвинув толпу, появился Ромка Вершинин. На голову выше всех, крепкий, с вьющимися тёмными волосами и аккуратными усиками, атлет, любимчик барышень со всего нашего потока, а может и не только нашего.

– Ну, выжил? – кивнул он. – Выпустили, значит?

В прошлой жизни после драки именно он меня до лазарета довёл.

– Как там фельдшерица? – подмигнул он.

– Мастерница, – усмехнулся я, – на все руки. И шьёт, и колет, и бинты накладывает, и микстуры составляет. Гиппократ был бы доволен.

– Главное, что ты доволен, – засмеялся он.

Интересно, почему произошёл сбой... Если Ромка меня довёл до медпункта, то как я в поле-то очутился? Это выглядело, как если бы тот, кто закинул меня назад во времени, немного промахнулся. Но Господь не промахивается, у Него всё чётко. Значит... значит это моё сознание сбоит, гонит рябь, как телевизор образца семьдесят седьмого года...

– Она на тебя сразу глаз положила, – хлопнул меня по плечу Роман. – Меня вчера даже на порог не пустила.

– Не ври, пожалуйста, ты сам не пошёл, – погрозил я пальцем. – Испугался, видать, огня в её глазах. А вообще, Ромыч, большое тебе октябрятское спасибо. Если б не ты, эти собаки не остановились бы.

Мурадян был не один – с дружкой-приятелем. Насели они на Галину конкретно, зажали в уголке, и всё совсем не по-детски было. У них реально крышечку сорвало, а дрова пойти порубить не догадались, кино с Челентано ещё не вышло к тому времени. Так что девке точно бы не поздоровилось.

Главное, чего они к ней прицепились? Она ж одно слово, что в коровнике работает, сама как телёнок ещё. Формы, правда, у неё развились заметные, мать точно переплюнет, но в голове-то ветер ещё гулял. Впрочем, этим строителям дела не было, что там у неё в голове творилось. Приспичило, значит надо давление сбросить.

Здоровые мужики, ясно дело, физиология, но эти-то, во-первых, по-звериному всё делали – иди сюда, задирай юбку и всё такое. А, во-вторых, ведь взрослых и одиноких баб, таких, как Алевтина, в селе было немало. Они бы, может, и сами не прочь поразвлечься да побалдеть, а этим вдруг малолетку вынь да полож. Было и ещё одно соображение. Если не можешь свои животные инстинкты в узде держать, то и получай, как пёс шелудивый.

В общем, я за девушку вступился. Прям петля какая-то... Здесь вступился, там вступился с разницей почти в пятьдесят лет. По затылку опять же и там, и тут... Правда Галка в меня не стреляла и оружия при себе не имела, не считая своей натуральной красоты...

Что любопытно, у Галины этой, помимо матушки, гром-бабы Гавриловны, имелся отец, тощий и застенчивый алкоголик, вернее сказать, тихий выпивоха по прозвищу Стаканыч. Вообще-то он был Степанычем, но меткий на язык народ переделал его настоящее отчество, и так и приклеилось, Стаканыч, да Стаканыч.

В деле воспитания дочери и соблюдения ею норм морали Стаканыч был совершенно бесполезен, вот его супруга и принимала огонь на себя. А вчера ещё и я немного огня принял.

Пока я уродов к порядку призывал, вступившись за неё, она сразу смылась, разумеется, чем вызвала буквально ярость Мурадяна, потому что из-за меня его законная добыча сорвалась с крючка.

Вид он имел грозный и противоречить ему, здоровому мужику, мало кто решался, даже из коллег-шабашников. А тут студентик какой-то выискался. Вот он и вспылел. Слово за слово, направление беседы быстро сместилось в сторону обсуждения личностей и, когда он попытался прикоснуться рукой к моему лицу, получил по рогам.

Я кое-какие приёмчики уже знал, конечно, но до пика мастерства был ой, как далёк, правда имел дерзость да ещё и веру в справедливость. Вот и дал между глаз этому козлу. Второй убежал, а я несколько раз удачно прописал Мурадян по фейсу.

И пока я прописывал, второй сбегал за угол, нашёл палку, дубину настоящую, и сзади меня оглушил. Хорошо, что не арматурина ему под руку попала и хорошо, что тут уже Ромыч подоспел. Кто-то ему свистнул, что за клубом неравный бой завязался. Так что добивал неприятеля он уже сам, потому что я после удара по затылку прыть поубавил.

Ну, там набежали деревенские и наши парни, будущие инженеры, гордость нации. Из шабашников тоже кто-то подтянулся. Богатыри пошумели, но в бой всех против всех противостояние не переросло. Мурадян, отступая, выкрикивал страшные проклятья и обещал чудо-

вишние кары. Вчера слова так и остались словами, а вот сегодня намечалось продолжение после того, как подлил масла в огонь в медпункте.

– Так, ребята, машины пришли! – в помещение вошла Инна Юрьевна, физичка, куратор нашей группы. – Выходим! О, Стрелец, ты вернулся? У тебя освобождение от работ?

Тогда она казалась нам взрослой тёткой, а сейчас глянул, девчонка совсем, тридцать пять лет и послали с такой ватагой. Тут ещё и шабашники эти. Правда присутствовал где-то поблизости и замдекана, но, по большей части, незримо. Он был дядечкой в годах, и всей этой уборочной чепухой не особенно интересовался.

– Юдин, – крикнул кто-то. – Не забудь, ты сегодня картошку для нас заготавливаешь.

– Помню. А дрова подготовили?

Меня, естественно, в поле не взяли, да, честно говоря, надо было полежать. Голова болела, самочувствие было не на пятёрочку. Поэтому я сразу пошёл в душ, постоял под горячей водой, переоделся в чистое и завалился в постель. Ну... не сразу.

Сел на кровать сначала, посидел, посмотрел вокруг. Повспоминал ещё молодость свою безвозвратно ушедшую, попрощался с воспоминаниями о счастливых временах и только потом лёг и опустил голову на подушку. Аккуратно, чтобы не потревожить рану.

На животе лежать было невозможно из-за провисшей сетки, и я долго не мог выбрать удобное положение, но, наконец, уместился. Закрыв глаза с мыслью о том, что здорово было побывать в молодости. Правда ничего хорошего сделать я не успел, ну хотя бы на ребят посмотрел.

Я не сомневался, что когда проснусь, ситуация будет совсем другой и ничего хорошего от пробуждения не ждал. Но и не спать было нельзя, требовалось хотя бы немного восстановить силы, чтобы этот сон не стал последним.

После пробуждения мне предстояло разобраться с делами в Москве. Поэтому я закрыл глаза и практически мгновенно нырнул в темноту. А когда вынырнул... по-прежнему лежал в неудобной позе в бывшей казарме в селе Красноперниково.

И это было уже интересно. Нет, существуют, конечно, различные экзотические идеи типа солипсизма, в котором считается, что весь мир – лишь плод человеческого воображения, но это же хрень, в которую никто всерьёз не верит. Нужно было поискать более правдоподобное объяснение.

Я снова сел на кровати. Вернулись ребята с поля, они, похоже, и разбудили. В существующей реальности ровным счётом ничего не изменилось, кроме того, что я чувствовал себя намного лучше. Вот что значит молодость и немного сна.

Было и ещё кое-что... Я почувствовал радость оттого, что проснулся здесь, среди однокурсников, а не там, в каком-нибудь мусорном контейнере или на допросе с пристрастием.

Я поднялся. Боль в голове почти не чувствовалась, а вот настроение чувствовалось. Неплохое было настроение, и ещё я понял, что страшно голоден. Поэтому, когда мы, наконец, оказались в столовой, стандартные порции мне показались до смешного маленькими.

Ну, в самом деле, одна котлета с ложкой картофельного пюре, два кружка огурца и две четвертинки помидора. И компот. Мне было явно мало.

– Клавдия Захаровна, я таких котлет вкусных в жизни не ел, – заявил я поварихе, выглянувшей из окна раздачи. – Выдайте, пожалуйста, раненому герою ополчения наградную порцию, а лучше две. Больше суток маковой росинки во рту не было.

Голод голодом, но мне действительно было вкусно. В котлете натуральное мясо, а в пюре чистое сливочное масло. А помидоры... М-м-м... Помидоры в обычной деревенской столовке были куда лучше, чем даже пресловутые «бакинские» из будущего, а уж про супермаркеты и говорить не приходилось.

– Вот, учитесь дети, как нужно к моей еде относиться, – засмеялась толстая повариха Клавдия Захаровна, ставя передо мной тарелку с добавочной котлетой. – А то слова доброго от них не дождёшься. Кушай касатик, больше нет сегодня, но завтра тебе отдельно нажарю полную сковородку.

– Нет, вы только гляньте на него, – смеялись ребята. – На работу не ездит, а жрёт за двоих! Кто бы мне кочан раскроил, ради такого дела?

Не обращая внимания на шутки, я взял тарелку и прихватил кусочек белого хлеба со стола, над которым висело предупреждение: «Хлеба к обеду в меру бери! Хлеб – драгоценность, им не сори!»

А может, дело не только в еде, а в том, что молодое тело чувствует вкус гораздо острее и ярче? В этой идее что-то было...

В принципе, даже хорошо, что добавка была небольшой – набитый до отвала живот только мешал бы. Я вернулся вместе со всеми в казарму и начал готовиться к походу в клуб. Поскольку возвращение к реальностям двадцать первого века пока откладывалось, нужно было постараться не ударить в грязь лицом перед веком двадцатым.

Кстати, и перед комсомолкой Люсей, если она придёт. Так что я планировал быть во всеоружии.

– Гришка, старик, ты чего такой неугомонный? – Ромка скептически покачал головой. – Тебе же постельный режим прописали, какой клуб, к лешему? Мало тебе приключений на тыльную сторону организма?

– Приключений много не бывает, – усмехнулся я, – и режим мне никакой не прописывали, кстати. Так что будем танцевать. Я – медленные, а ты можешь и быстрые, под Распутина, например. А вот завтра... завтра...

Я сделал многозначительную паузу и поднял вверх указательный палец.

– Чего завтра-то?

– Завтра вечером пойдёшь со мной в медпункт. Должен же меня проводить кто-нибудь? Мне Алевтина сменит повязку, а тебя я принесу ей в жертву в качестве оплаты её милосердия. Если захочешь, конечно. Как тебе такой план?

– Посмотрим.

Конечно, посмотрим. Если будем всё ещё здесь.

– Только без специальных резино-технических изделий, особенно получивших известность под номером два, не советую.

– Так где ж я их возьму, в деревне-то?

– У Каткова спроси, он приторговывает втихаря. Фарцовщик он.

Ромка засмеялся, покачал головой и легко хлопнул меня по плечу.

На танцы я надел джинсы, тёмно-синие, потёртые на коленях, синюю футболку с треугольной горловиной и надписью «Динамо» и тонкий трикотажный джемпер, не сковывающий движений. Несколько раз присел, похрустел суставами рук, аккуратно размял шею, покрутив головой вправо-влево. Системы работали отлично – легко, точно, практически идеально. Давненько, ох, давненько такого не бывало.

– Ты чего лыбишься? – подозрительно спросил Роман.

– Эх, Ромка, Ромка... – с улыбкой вздохнул я. – Хорошо жить на свете...

– А? – нахмурился он.

– ...молодым...

– Не били ли тебя по голове в последнее время? Впрочем, не отвечай, это риторический вопрос.

Я весело подмигнул. Что бы он понимал в эмоциях путешественников во времени.

Когда мы пришли в клуб, народу было уже много, но танцы ещё не начались. Действительность оживших воспоминаний всё больше и больше поглощала меня, и мысли всё реже и неохотнее возвращались к недавним московским событиям.

Здесь, в этой старо-новой реальности хватало своих событий, и я даже ощущал азарт, стараясь не думать, что всё это, вообще-то, может оказаться проявлением старческого маразма. Остаться бы здесь, да чтобы всё с начала. Вот бы я порадовался.

Парни и девчонки пребывали в состоянии предвкушения, ожидая ежевечернего праздника и очередного вращения колеса фортуны, а правильное сказать, флирта – посмотрит или не посмотрит, пригласит или нет, согласится или откажет и ещё огромное множество подобных предположений. Как ромашка, в общем – любит, не любит.

Пахло духами и дешёвым табаком. Звукотехник и диск-жокей, а по совместительству молодой заведующий клубом вместе с инженером радиоточки возились на небольшой низкой сцене, заканчивая подключение аппаратуры. Медленно мигали три цветных софита. Всё было, как тогда и сердце утащённо билось.

В этом же зале проводили и киносеансы, и лекции и собрания, а когда устраивались танцы или дискотеки, вошедшие в этом сезоне в моду, стулья выносились на склад.

Приподнято-наэлектризованное состояние масс передалось и мне, и я вышел на улицу.

У крыльца стояли парни, курили, травили байки и в меру похабные анекдоты. Тайком, отвернувшись, некоторые из них прикладывались к горлышку портвейна «Золотая осень», называемому в народе Зосей Осиповной.

Барышни сбивались в небольшие стайки чуть поодаль, шептались, поглядывали на парней и хихикали. Студенты и студентки чувствовали себя спокойно, местные тоже, но кучковались, как правило со своими. Атмосфера была обычно если и не дружественной, то нейтральной, небольшие инциденты не в счёт.

Такая система сложилась в ответ на присутствие в деревне шабашников. Их бригада была разношёрстной и состояла из крайне неприятных личностей. Агрессивные, грубые и чрезвычайно наглые, они были чужеродными элементами, позволяли себе лишнее и никак не монтировались с молодёжью, ни с городской, ни с сельской. Впрочем, в клуб они приходили не каждый день и не всей толпой.

Я отошёл на несколько шагов от крыльца и остановился. Опускалась прохлада и влага, из воздуха делалась осязаемой. Я заложил руки в карманы и поднял голову. Большая жёлтая луна, окружённая лёгкой дымкой, подмигивала, будто знала то, что мне было нужно.

Я втянул воздух и почувствовал свою силу. Таким острым моё обоняние не было уже очень и очень давно. Долгие годы. Я вдохнул полной грудью сладкий, опьяняющий, насыщенный запахами ранней осени воздух. Яблоки, прелая листва, арбузная влажная свежесть... Я чувствовал каждую ноту, и меня это будоражило. Будоражило так, что ноздри дрожали, а волосы топорщились на загривке.

Каждый звук, который я слышал, был кристально чистым и звонким, как стекло. Я чувствовал каждую мышцу своего тела, каждый нерв. Я мог бы бежать без остановки целый день. Как волк, как молодой, яростный и полный сил волк.

Меня распирало чувство всемогущества молодости и бесконечности времени, простёртого впереди. И нет, мне совсем не хотелось возвращаться на Делегатскую улицу, в мой последний московский вечер. Мне вообще стало вдруг абсолютно неинтересно, что именно там произошло.

Я опустил голову и очень чётко и ясно увидел людей, идущих к клубу. Моё зрение было идеальным. Я смотрел исподлобья и чувствовал, как в груди распространяется пустота, вытесняя сомнения и гнев, а голова делается морозной. Их было восемь человек. В руках они держали деревянные колья и стержни арматуры. Впереди шагал Мурадян.

Я улыбнулся. Сейчас моя улыбка была похожа на оскал. Как у молодого и сильного волка.

5. Опьянение молодостью

Я оглянулся назад, на клуб. Приближавшуюся орду кочевников никто пока не заметил, или заметил, но не придал значения. Ну и ладно. Я, собственно, и не хотел, чтобы возник всеобщий шухер. Зачем людям праздник портить? Или я не мастер Шаолиня?

Я усмехнулся и запел, тихонечко, под нос. Слова сами всплыли из памяти:

*Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл,
И как-то в осень, и как-то в осень
Иду с дружкой, гляжу – стоят.
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд —
Их было восемь.
Со мною – нож, решил я: что ж,
Меня так просто не возмёшь!
Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать?
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
Так было надо...*

Ножа, правда, у меня не было, да и шабашники не стояли, а шли, причём, довольно быстро и целеустремлённо. Шли-шли и встали. Мурадян увидел меня и поднял руку, как Спартак, и все замерли. Циркачи, честное слово. Правда цирк этот был не весёлым, а трагичным. Морды у мурадянцева были, конечно, как у клоунов, но печальных клоунов.

– Здорово, орлы, – усмехнулся я. – Дальше вам нельзя. Вы фейс-контроль не прошли.

Адреналин нёсся по жилам и я ничего с этим не хотел делать, никакой пустоты в груди и никакого отрезвляющего мороза в голове, никакого самоконтроля и контроля, будто со стороны. Может, я действительно поехал головой, но я решил дать себе волю и промчать на кураже, на опьяняющем адреналиновом драйве.

– Чё сказал?

– Рылами, говорю не вышли, – развёл я руками.

Они молча пожирали меня глазами, пытаюсь понять, в чём подвох. Один против восьми, да ещё и вооружённых орудиями древних людей – это было сильно. И неожиданно. Догадавшись, что возможно, это ловушка, они стали озиаться и щетиниться своими палками-копалками, выставя их навстречу невидимым врагам.

– Э, ты больной что ли? – наконец, нарушил молчание Мурадян. – Мы тебя здесь вы**ем сейчас. Ты знаешь это?

– А вы что, друг дружку уже устали жарить? Пресытились? Чего-нибудь новенького захотелось?

Он сжал челюсти и начал дышать, как паровоз. Распухший нос, вероятно, затруднял дыхание и звуки издавал весьма громкие. Не иерихонские трубы, конечно, но, всё равно, неслабо.

– Так ты, наверное, этого и хочешь, да? – прорычал Мурадян. – Петушок московский!

Честно говоря, все эти зоновские приколы про петухов меня вообще никак не волновали. Что смеяться, где я и где они, ну честное слово. Просто я хотел вывести его из себя. Во-первых, мне этот тип страшно не нравился, во-вторых, нужно было поставить шабашников на место,

переломить, гидре хребет, в том числе и морально, а, в-третьих... я даже не знал, что со мной, меня просто пёрло, как молодые офицеры говорили. Кураж поймал.

Молодость, сила, я не знаю, бес в ребро, ощущение нереальности происходящего, незакрытый гештальт – всё это вместе или каждая причина по отдельности заставляли меня совершать глупости и вести себя неразумно, я не знал.

– Это ты зря сказал, – покачал я головой. – Я так-то думал, что просто поговорим и всё. Но нет, теперь не получится. Эти слова тебе проглотить придётся. Вместе с зубами, конечно. И с кусками чернозёма.

Впрочем, не такое уж это было безрассудство, в результате я был уверен. Ну... почти уверен. Эта публика была не из тех, кто бьётся до конца. Я таких видал, да и из прошлой жизни помнил, как вели себя вот эти конкретные герои Спарты.

– Ну-ка, Сэм, – кивнул Мурадян, крупному кучерявому парняге, стоящему справа от него и добавил что-то на родном языке.

Сэм повернулся, посмотрел на него, хмыкнул и, мотнув головой, пошёл на меня. В руке он сжимал здоровенную палку. Руки, кстати, у него были выдающиеся, как у морячка Полая из мультика. Ни слова не говоря, может и не умел по-русски, он замахнулся и, вложив в удар всю силу, обрушил на меня своё орудие.

Ну, тут, даже и не надо было обладать какими-то сверхспособностями, ни по воде бегать, ни по воздуху летать. Я тупо увернулся, захватил руку, провёл молниеносный болевой и вырвал жердь из его руки. Даже не вырвал, а просто поймал, когда тот её выпустил.

Правда, по поводу молниеносности моего болевого возникли некоторые вопросы. Действовал я отточено, чётко и не задумываясь. Просто быстрота оставляла желать лучшего, да и гибкость тела была не самой идеальной. Ну, а что, я ведь не тренировался по методике в те годы. Это было странно, конечно. Если всё происходящее было плодом воображения, то я должен был, как Нео из «Матрицы», взглядом ложки гнуть, а тут такое дело... Не сидело что-то в версии с психотропными веществами.

Тем не менее... Тем не менее, я провёл болевой и оказался счастливым обладателем кола, вырванного из руки этого Сэма. Он обескураженно хлопал глазами, не понимая, каким волшебным образом остался без оружия. Недолго, правда, потому что сразу же получил по башке. Достаточно сильно, чтобы на время выйти из игры.

Он-то, если бы я не ушёл от удара, на тот свет бы меня мог отправить, debil. Со всей ведь дури херачил. Видать, парни решение приняли серьёзное.

У них и в прошлой жизни всё серьёзно было. На танцы они сегодня прийти не должны были, а вот Галку подкараулили и покуражились по полной программе. Последствиями уже не народные мстители, а милиция занималась – и Гуськов, и из области приехали. Мурадян и ещё двое загремели по полной. Так что наняться с ними я сегодня не собирался. Профилактика должна быть действенной. Хотели по-взрослому? Получайте, только не скулите.

Кол оказался увесистым. Я подбросил его на ладони и крутанул в руке, подражая шао-линьским монахам. В стане врага ещё даже не успели сообразить, что произошло с их боевой единицей по имени Сэм, а я уже нёсся на них, как огненная колесница бога Ра.

Не было никаких кувырков, не было криков и кинематографических поз в стиле Брюса Ли. Была чёткая и молниеносная работа. Тупым концом в брюхо, стоящему слева от Мурадяна. Отход, отскок в сторону и нейтрализация, стоящего справа. Он, кстати, оказался самым прытким из этой банды и успел замахнуться куском арматуры. Но ударить не успел, получил короткий удар палкой по челюсти и завалился на своих соратников, увлекая их за собой и роняя на землю. Как чурка в городках. Была такая игра, и в семьдесят седьмом дети в неё ещё играли.

Посеяв смятение в рядах хулиганов, я оказался лицом к лицу с Мурадяном. Похоже, он был ошарашен моей быстротой и эффективностью. Но, не смотря на это, одержимость и желание проучить врага, не давали ему прислушаться к голосу разума и отступить.

Сфотографировать бы его сейчас. Рожа свирепая, оскал, как у гиены, взгляд пылающий. И шерсть клочьями. Молча, как в немом кино, не тратя времени на вопли, он поднял руку с железным рифлёным стержнем и бросился на меня. Ну, а я шагнул в сторону.

Тыц-тыц-тыц-тыц... Элегантно, в ритме танго и голосом Владимира Семёновича:

Так дымно, что в зеркале нет отраженья

И даже напротив не видно лица,

И пары успели устать от круженья, —

Но все-таки я допою до конца!

Все нужные ноты давно

сыграли...

Мурадян пролетел мимо и снова, как давеча в медпункте, подставил мне свой тыл. Бац! Дрыном по хребту. Он захрипел, падая на камни, а потом заорал. И мне ничего не оставалось, как просто заткнуть его, носком ботинка по морде. Сон это или нет, не до гуманизма было, обстоятельства. Он ведь с арматурой не детские фокусы шёл показывать. И за Галку, опять же нужно рассчитаться.

— Ну что, масоны, товарищи вольные каменщики, кто-нибудь ещё хочет вести переговоры? — спросил я у оставшихся небитыми и раскрывших рты каменщиков, штукатуров и маляров.

Для убедительности я поставил ногу на голову их главаря и заводилы.

— Если нет, будем считать, что мы достигли взаимопонимания. Разрешаю забрать павших бойцов. Но если я увижу хоть одного из вас после смены, если кто-нибудь осмелится выползти на свет и, тем более появиться в клубе, башку оторву. Если кто-то из вас, свинорылых посмеет глаза поднять на какую-нибудь девушку, бубенцы отрежу. Сначала отобью, а потом отрежу. Ясно?!

Не факт, что они всё поняли, но вместо вопросов сначала попятились, а потом побросали свои палки, развернулись и задали стрекача. Что и требовалось доказать.

Тем временем со стороны клуба подбежали ребята — Ромка Вершинин и ещё несколько парней. А за ними уже и деревенские потянулись.

— Гришка, что случилось?

— Да всё-всё, ребят. Уже всё!

Мурадян со стоном приподнялся, осмотрелся и встал на ноги.

— Здоровый лось, — кивнул я. — Живучий.

Он затравленно озирался, оглядывая толпу окружившую его и других двоих штукатуров, выведенных мной из строя.

— Хотели резню устроить, — объяснил я. — Видите? С кольями да с арматурой припёрлись. Решили в порядке разминки со мной разобраться сначала.

— А ты? — нахмурился Ромка. — Как ты их отделал-то?

— Случайно, — подмигнул я. — Повезло просто. Эй, Мурадян, три раза достаточно или ещё будешь судьбу испытывать? Если на Галку хоть раз взглянешь, я тебе эту арматуру знаешь куда засуну?

Тот, молча, пошатываясь и сплёвывая зубы и густую кровь, поплёлся прочь. Парни смотрели на меня... с уважением и оторопью. Сэм тоже поднялся и поковылял следом за боссом.

— Ты чё троих уделал? — спрашивали деревенские и крутили головами.

— Вообще их восемь было, — вступил незнакомый мне парень, не похожий на местного. — Остальные смотались от греха. Ходячие мертвецы.

На «ходячих мертвецах» я нахмурился. Совпадение, естественно. Здесь про этот сериал знать никто не мог. Просто совпало — Мурадян действительно был похож на ходячий труп. Я посмотрел на парня внимательней. На вид ему было лет тридцать с хвостиком... Хотя в

сумраке... кто его разберёт... утверждать я бы не взялся. Одет он был строго – брюки, рубашка, ветровка. На мента немного походил. И не походил, в то же время...

– Ну ты, старичок, отчебучил! – хлопали меня по плечам ребята. – Боец раненый. Чё они хотели-то? Мало вчера что ли отхватили?

– Хотели нам всем бошки поотрывать, – пояснил тот же чувак. – Парней перекалечить, а девушек взять в сексуальное рабство.

Парни загалдели.

– Чего-чего?!!

– Ага, щас, а на воротник они ничё не хотели?

– Козлы драные!

– А девок-то что?

– А баб наших поиметь хотели. С разными извращениями!

– Суки!!! – заорал кто-то из деревенских вслед уходящим шабашникам. – А ну вернулись сюда!

– Ты чё нас не позвал никого?!

– Не, ну ты резкий фраерок!

– Ладно, погнали, пацаны, там девчонки одни танцуют уже.

Я вернулся в клуб в ореоле славы. Я её не искал, просто так сложилось. К счастью, через пару дней уже все об этом позабудут, а хорошие отношения с местными, завязавшиеся сегодня, вполне возможно, останутся.

У клуба оглянулся, ища глазами того парнягу лет тридцати, который упомянул про «ходячих мертвецов», но его нигде не было.

– Гриша! – нахмурилась Ляля. – Ты что с хулиганами подрался?

– Он их там отметелил! – объяснил Ромка. – Один против сотни!

Она изображала из себя неприступную принцессу, но в глазах её горел жгучий интерес. Ну, ещё бы, живой герой, не побоявшийся выйти один против орды упырей, и только она, ОНА, Ляля Ключева имела теперь на него права, и только о ней он мечтал. Он, витязь, окружённый сиянием и ставший новой модной легендой. Девки от зависти лопнут и позеленеют. И свои, студенческие, и эти, деревенские. Они-то уж точно.

Удивительно, как я раньше не понимал того, что у неё на уме, ведь это всё читалось по лицу и глазам, по улыбке и осанке, по всему виду. Ну, что поделать, не всегда я был таким проницательным, как говорится, *ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!*

– Ляля дорогая, этот подвиг я посвящаю тебе, – усмехнулся я. – Считай, что ты леди Гвиневера, а я сэр Ланселот.

Она захлопала глазами, возможно, не подозревая, что это за персонажи такие. В этот момент я заметил Галку, ту самую из-за которой сыр-бор разгорелся. За последние почти пятьдесят лет она совсем не изменилась.

В зале была куча народу, но середина оставалась свободной, никто пока не танцевал. Все стояли по периметру, поглядывали друг на друга, балагурили, ждали. Собственно, парни ждали, когда девчонки начнут выходить в центр и притопывать под музыку. А сами они будут стоять с независимым видом и, в лучшем случае, рискнут пригласить барышню на медляк.

– Детский сад, – пробормотал я, усмехнувшись.

– Что? – подняла брови Ляля. – Повтори, пожалуйста, я не расслышала.

– Нет-нет, ничего, это я так...

Музычка, впрочем, пока ещё была разминочная. Прелюдия, можно сказать. Пел Иванов. Разумеется, песню студента, во французской стороне. Можно сказать, наш гимн тех годов.

Вообще, деревенские танцы очень круто прибавили этой осени, превратившись в резко вошедшую в моду, дискотеку. Всё благодаря студентам, а конкретно – увальню и мелкому фар-

повзику Косте Каткову. Он был толстеньким, несурзным, с непослушно торчащими волосами, но зато слыл меломаном и имел самые горячие новинки раньше всех в институте.

Местный начальник клуба с инженером радиоузла, впрочем, тоже заслужили похвалы, за мигалки от поливалок и скорой помощи и стробоскоп, собранный и спаянный неизвестным мастером. Стробоскоп этот вводил молодёжь в настоящее исступление, если память мне не врал.

– Думаю, – победно взглянула на меня Ляля, – сегодня ты заслужил танец. А, может быть, это не точно, повторяю, **может быть**, и ещё кое-что.

«Может быть» она выделила голосом, произнесла с нажимом, чтобы я не думал, что уже поймал удачу за хвост и не расслаблялся.

– Кое-что? – засмеялся я. – Неужели то, что я подумал? Лялечка, наконец-то! А я думал, ты до самой кончины так и будешь изображать из себя...

– Пошляк, – отрубила она и поджала губы.

– Ну вот, – покачал я головой, – размечтался. Погоди, я сейчас.

Я двинул в сторону Гали. Она меня заметила и затрепыхалась, задрожала, покраснела. Меня и самого потряхивало. Правда, не от смущения, это адреналинчик отходил. Обалдеть, конечно. Все чувства, ощущения казались такими яркими, полными, глубокими. Взрывными, можно сказать.

Когда молодым был, не замечал, а сейчас мне было с чем сравнивать, и от этого действительно сносило крышу. Было просто нереально круто.

– Галина! – кивнул я. – А ты всё приключения подходящие подыскиваешь? Не сидится дома что ли?

Галя была девушкой выдающейся. Не толстой, но плотной, сбитой, с огромной грудью, крупными приоткрытыми губами и невинным детским взглядом. Зад тоже не подкачал и ноги, сильные и крепкие, с тонкими, как бутылочные горлышки, лодыжками. Так что понять, чем прельстился Мурадян вполне было можно.

– Здравсьте, – кивнула она. – Дома-то чего сидеть... Все здесь, а я что же...

– Мать твою видел сегодня, – кивнул я.

Она потупилась.

– Объяснил, что бояться ей нечего.

Галка кивнула и покраснела. И тут верхний свет погас.

– Друзья! – раздался из динамиков голос Каткова. – Начинаем нашу дискотеку. Сейчас прозвучит композиция «Миссисипи» в исполнении группы Пуссикэт.

– О! – воскликнул я. – Пуссикэт! Пошли, потанцуем, клёвая песня.

Правда клёвая, я сразу вспомнил, как мы под неё отжигали в своё время. На «танцпол» вышли первые девчата, самые смелые и горячие.

– Не, – помотала головой Галя. – Я не танцую.

– Не ври, я видел раньше.

– Это Любка попросила, её не приглашают, вот я и того. По-дружески.

– Ну, ладно, как хочешь. В общем, Галя, если будет кто приставать, ты не стесняйся, говори, поняла?

Несостоявшаяся жертва молча покивала, и я повернулся, чтобы идти к своим пацанам, которые стояли как раз напротив, но Галка взяла меня за локоть. Я удивлённо оглянулся.

– Это, Григорий... – смущённо произнесла она. – Спасибо... что вчера, ну, с шабашниками теми. И сегодня вон опять... Я... в общем, если хочешь...

Она встала на цыпочки, положила мне руки на плечи и дотянувшись губами до уха, прошептала:

– Если захочешь, приходи... мать не узнает, в общем... Камушек в окно кинь. Маленький только... У меня розовые занавески. Собаки нет.

Вот это поворот. Я внимательно посмотрел ей в глаза и пожал руку. Ей вообще-то ещё семнадцать только стукнуло, если я не путал.

– Галь, да ты с этим делом не спеши, у тебя всё впереди ещё. Главное, чтоб по любви, поняла?

– Так это... Я может, как раз...

– По любви, Галя. Это важно, запомни. И с шабашниками поосторожнее.

Интересно, в прошлой жизни ничего такого не было. Впрочем, и разговор с Гавриловой совсем иначе произошёл в тот раз. Любопытно, что влияло на ход событий, а что нет... А может, это давала сбой моя память и поэтому какие-то моменты не совпадали?

Я подошёл к Ромке. Честно говоря, всё было так реально, что думать, будто вокруг меня иллюзия и помутнение разума, совершенно не хотелось.

– Смотри, – пихнул меня локтем Ромка. – Как тебе вон та?

– В красном платье?

– Нет, рядом с ней, в джинсах.

– Ничо так, – одобрительно кивнул я. – О, да, прям красotka. Пластичная.

– Какая?

– Двигается красиво.

– Ага, и лицо ничего вроде.

– Ну, иди, чего стоишь-то?

– Ладно... пошёл тогда. А ты что, с Галкой что ли решил закрутить?

– Да ну тебя, Рома. Иди, подёргайся.

Он пошёл знакомиться, а я остался с парнями. Они никак не могли выбросить из головы потасовку с шабашниками и донимали меня вопросами. Обстановка становилась всё более свободной. Уже и некоторые парни начинали танцевать. Звучали Стиви Уандер, Абба и Бони-М. Душу мне рвали.

– Григорий...

Я обернулся. Ух ты... Даже и не узнал сначала. Блин...

– Людмила.

Передо мной стояла Люся. Но выглядела она сейчас совсем не так, как в сельсовете. Никакой косынки не было и в помине. Густые тяжёлые тёмные волосы, как у Мирей Матье – то ли Паж, то ли Сэссон. Надо же названия причёсок выплыли из памяти.

Помада, тушь... На ней было синее, с мелким орнаментом, платье на пуговицах, с глубоким вырезом, без воротника. Расклешённое книзу, оно закрывало колени, но оставляло достаточно простора, чтобы можно было вообразить, что под ним скрывается. Тем более, что бюстгальтера на Люсе точно не было, и тонкая ткань предательски свидетельствовала об имеющемся в обществе дефиците женского белья. Впрочем, вполне возможно, что так и было задумано.

На ножках у неё красовались туфельки на каблучке с открытой пяточкой. Вот по пятке и будем воображать, усмехнулся я про себя, как Дон Жуан, это его тема была.

Люся показалась мне немного скованной. Заметив, что я её разглядываю, она нахмурилась и поправила очки.

– Чудесно, – улыбнулся я.

– Что? – ещё сильнее сдвинула она брови.

– Замечательное платье, – ответил я. – Просто отлично. Ты сейчас совсем по-другому выглядишь, не так, как утром.

Мне показалось, она покраснела. Впрочем, в зале было довольно темно, чтобы можно было утверждать.

– Сама сшила, – пожала она плечами и отвернулась, словно заинтересовалась происходящим в центре зала.

– Серьёзно? Сама? Потрясно!

– Почему? – чуть приподняла она брови. – Все так делают...

– Э-э-э... здорово получилось, я думал фирменное.

– Вещизмом не страдаем, – улыбнулась Люся и чуть повела бровью.

Я залюбовался. Сейчас она показалась мне красивой. Не яркой и вызывающей красотой, а неброской и естественной. Правильное лицо, светлая кожа, большие голубые глаза... В полутьме это было не видно, но утром я разглядел. Худая, но не тощая, как цыплёнок, а гибкая и женственная.

Точно, женственная. Она излучала что-то типа неосязаемого тепла, что ли... женского тепла... и вызывала в груди тонкие вибрации. Что-то такое тревожное и возбуждающее, заставляющее подбираться и глубже втягивать воздух. Короче, томление духа. Природа, понимаешь, химия. В моём теле вся химия давно уже определялась приёмом лекарственных препаратов, а тут вишь какое счастье, реактор омолодился и понеслось. Того и гляди разыграет кровушка молодая.

– Пойдём, – кивнул я и взял её за руку. – Знаешь, кто это?

– Нет, – мотнула она головой и по волосам пробежала красивая блестящая волна.

– Иглз, классная песня, «Отель Калифорния» называется.

– В последнее время только иностранные крутят, – пожала она плечами, но руку у меня не забрала.

На танцполе уже колыхались слипшиеся парочки. Мы прошли к ним, и я развернул Люсю к себе. Положил правую руку ей на спину, не слишком низко, но и не слишком высоко, чтобы постараться вызвать небольшое волнение.

– О чём поют? – спросила Люся.

– Поют? – переспросил я, прижимая её к себе.

Она не отстранилась, только хмыкнула, и моей щеки коснулось её дыхание, тёплое и мимолётное. А ещё я ощутил тонкий запах парфюма и её кожи. Я вдохнул ещё раз, как волк, втягивая воздух по чуть-чуть. М-м-м...

– Да, о чём эта песня? Как-то странно слушать и не знать, о чём там поётся.

– Поют... ну, о любви, о том, что девушка влюбляется в парня с первого взгляда, но стесняется ему сказать, и с ним такая же история происходит. Из-за стеснительности они расстаются и всю жизнь живут врозь, но продолжают любить друг друга. И вот, когда они становятся уже совсем старыми, приезжают в Калифорнию и случайно оказываются в одном отеле...

Она откинула голову и расхохоталась. Я тоже не выдержал и засмеялся.

– Врун! – весело сказала Люся мне на ухо и, сжав кулачок, чуть легонько стукнула по плечу. – Я ведь английский учу. Там вообще всё про другое.

Меня снова коснулось её дыхание и по спине пробежали мурашки. Такого уже тысячу лет не бывало. Я даже губу прикусил.

– Ну, да, ты права, – согласился я. – Я пошутил.

– Ладно, получилось смешно.

Потом были Марыля Родович с «Ярмаркой», Машина и, конечно, Пугачёва, а потом Баккара с песенкой всех времён и народов «Йес, сэр, ай кэн буги». В общем, бомба. Люся танцевала здорово. И я отжигал так, будто завтра умирать. Хотя, кто знает, может, действительно завтра. Я, конечно, танцор тот ещё, но изощрённая хореография и не требовалась, достаточно было время от времени попадать в ритм.

А потом поставили Санту Эсмеральду, «Дом восходящего солнца», с испанской гитарой, трубами, кастаньетами и сумасшедшим ритмом. Блин, старики бывают сентиментальны, даже такие железобетонные, как я. Сколько с этой песней всего связано было...

Инженер звукотехник врубил стробоскоп и всё запрыгало перед глазами. Мигалки, яркие вспышки, делающие движения отрывистыми... Опынение молодостью. Остапа, как говорится,

понесло, и я изобразил лунную походку Майкла Джексона. Я это дело в качестве упражнения практиковал, потому что мне оно очень хорошо помогало тренировать чувство равновесия и умение управлять центром тяжести, ну и действовать, чтоб противник не заметил подготовки к броску. Причём, серьёзный противник, не шабашник какой-нибудь.

Джексон свою фирменную фишку ещё не продемонстрировал миру, так что я премьеру ему сорвал, можно сказать. Песня была ритмичной, быстрой и длинной. Грохотала музыка, ослепляли световые эффекты, и тут я такой выплыл, гость из будущего, бляха, дед-пердед, как говорили у нас в первом классе.

Номер взорвал танцпол. Народ был уже в той стадии принятия реальности, когда воображение приукрашивает окружающий мир, и он воспринимается с восхищением, граничащим с эйфорией.

В общем, меня заставляли делать это снова и снова, до судорог в мышцах. Из чего я сделал логичный вывод – молодость молодостью, а систематические тренировки надо усилить.

Мы отошли в сторонку, чтобы перевести дух.

– Вот мы тут гопака отплясываем, – нахмурилась Люся, встряхнув головой, и от этого её движения прокатилась невидимая волна огня, сладкого аромата и желания, – а ты слышал, что Картер сегодня объявил о начале создания нейтронной бомбы? Тебе не напоминает наше веселье пир во время чумы?

Она была разгорячённой, возбуждённой танцами, немного уставшей и... и волнующей.

– Люся, какая, нафиг, бомба? – засмеялся я. – Серьёзно? Бомба? Сейчас?

– А тебя что, вообще международное положение не волнует?

Ну как было объяснить юной комсомолке, что один поцелуй в этом мире стоил в миллион раз дороже митингов, собраний и всех слов политиков. Нужно было бы вернуться к этому разговору лет через пятьдесят, когда кроме обсуждения международного положения ничего и не останется. В определённом возрасте политики и других бесконечно важных вещей остаётся много, а вот поцелуев...

– Не создадут они бомбу, закроют проект, – махнул я рукой и придвинулся к ней поближе, заглянул в глаза.

– Ты хороший парень, сказала она, но... немного легкомысленный. Потасовки, танцы, веселье... Знаешь, в жизни есть вещи и поважнее.

– Правда? – прошептал я и прищурился. – Расскажешь мне о жизни и о серьёзных вещах?

Я приблизился ещё чуток и заметил, как тут же расширились её зрачки. А-а-а... заволновалась! Я улыбнулся. Она мне нравилась. И своей детской серьёзностью и... Я чуть наклонил голову и почувствовал, не увидел, а почувствовал, как приоткрылись её губы. И...

– Гриша! – вдруг раздался над моим ухом требовательный голос. – Белый танец. Я тебя приглашаю!

Я обернулся. Ну, конечно, кто же ещё...

6. Эти глаза напротив

Рядом с недовольно-требовательным видом стояла Ляля Ключева. И это при том, что у нас с ней ещё ничего не закрутилось, она только забросила крючок с наживкой и даже ещё не подсекала.

– Ляль, – нахмурился я, —извини, я устал, давай в другой раз, пожалуйста.

Глазами я подал чётко читаемый невербальный сигнал «женщина, я не танцую».

– Нельзя отказываться, – отстранилась от меня Люся. – Белый танец – это закон.

– Вот именно, – прищурилась приглашающая сторона. – Закон. Иди-ка сюда.

Пела Пугачёва. *Мне нравится, что вы больны не мной...*

В тему блин. Я положил руки Ляле на талию, на косточки и медленно колыхался в такт голосу Аллы Борисовны. Ляля тоже была стройной, но, в отличие от Люси, её стройность была худой, казалась холодной и даже несколько чрезмерной, намекая на полное отсутствие телесности, и, стало быть, страсти и любовного темперамента. Жаль, что в молодости я понимал далеко не все намёки.

– Вот значит, ты какой, – поджала губы Ляля, вглядываясь мне в глаза. – Не ожидала.

Расстояние между нами было достаточным, чтобы видеть лица друг друга. Её мне прижать не хотелось.

– А ты чего-то ожидала, Лялечка? – с интересом поинтересовался я.

– Сколько раз говорила, не называй меня Лялечкой! Что за плебейство!

Вообще-то, чего она ожидала было хорошо мне известно – восхищения, вздохов, сомнений, страданий, уверений, признаний и лобызания следов. Весь этот детский сад, устроенный ею когда-то со мной, сейчас меня вообще не интересовал, и единственная причина, по которой я с ней танцевал, заключалась в том, что я никогда не считал себя хамом и не хотел её травмировать и отшивать в грубой форме. Впрочем, что я говорю, травмировать Лялю. Я даже улыбнулся, от этой мысли, но тотчас спрятал улыбку.

После всех её фортелей, мотаний кишок и нервов, высокомерия, сцен, попыток вызывать ревность и дешёвых интрижек, повторять свои ошибки молодости я не собирался, даже гипотетически, даже в самом страшном бреде и в самой дикой проекции моего прошлого. Да об этом даже нелепо подумать было.

– Хотя бы элементарной порядочности, – с чувством воскликнула она. – Вот, чего я ожидала!

– Пожалуйста, только не объясняй, – попросил я, – хорошо?

Мне нравится, что можно быть смешной —

Распущенной – и не играть словами,

И не краснеть удушливой волной,

Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится ещё, что Вы при мне

Спокойно обнимаете другую...

Последние две строчки я мысленно добавил от себя, по памяти из Цветаевского первоисточника. В песне их не было.

– Ну, знаешь, если такие вещи ещё и объяснения требуют... – нервно засмеялась моя бывшая возлюбленная.

– Как раз нет, – кивнул я. – Не требуют. Слушай, Ляля, ты умная, красивая, утончённая и вообще, сладостная мечта всех существ мужского пола. Давай так, пока между нами ещё не случилось ничего непоправимого, пока ты не бросила к моим ногам цвет своей невинности и не загубила юность на то, чтобы пытаться осчастливить такого непроходимого идиота и

неотёсанного солдафона, как я, совершенно бесперспективного, грубого и неинтеллигентного, чтобы не приходилось сгорать от стыда в обществе за мои мужланские шутки... что ещё-то? А, пока я не обнюхал каждую юбку в радиусе ста километров и не начал прикрываться командировками для сокрытия пошлых адыльтеров, давай с тобой остановимся.

Она молча хлопала глазами, пока я цитировал её же саму из недалёкого будущего. Каждое из этих слов я слышал от неё много раз и, возможно, они уже сейчас вызревали в её головке. Мы остановились, но Пугачёва не останавливалась и продолжала рвать отношения невзирая ни на что.

*За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас над головами,
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами...*

Только «увы» я бы заменил на «ура»...

Ляля сбросила мои руки со своей осиной талии, отстранилась и залепила мне пощёчину. Почти. Особого эффекта добиться не удалось, поскольку я успел уклониться.

– Ты... – зло прошептала она, на глазах превращаясь в ужасную фурию, – предатель и... бесчестный подонок! С этой минуты не смей приближаться ко мне и даже не думай просить прощение. Ты... ты мизинца моего не стоишь! Видеть тебя не желаю! Бабник!

Блин... кажется, я её всё-таки травмировал. Ничего теперь не поделать. Надо конечно было как-то поаккуратней, барышня, всё-таки, натура тонкая. Ну... или почти тонкая. А с другой стороны, что ещё можно было сказать?

– Не поледили? – раздался рядом голос Люси.

– Ну, типа, – хмыкнул я.

– Печально. Это что... твоя девушка?

Я фыркнул, не сдержался, но промолчал.

– Легко рубишь связи... – покачала она головой.

– Не стоит делать поспешные выводы, – пожал я плечами.

– Ну, это дело не моё, я просто попрощаться хотела. Завтра вставать рано. Ладно, классно ты эти штуки делал.

– Лунную походку? – спросил я.

– Ага, её. Ну, пока.

– Подожди, я тебя провожу.

– Нет-нет, не надо, зачем? Иди лучше помирись с девушкой.

– Мы же про царство свободы не договорили, – усмехнулся я. – А чтобы мириться, надо поссориться для начала.

– Вообще-то, справедливости, а не свободы, – поправила меня она, – но это неважно. Какое тут царство, нам же надо урожайность поднимать, надоей опять же. Одну доярку ты, кстати, спас, спасибо тебе от коллектива.

– Галку что ли?

– Конечно её. Ну, а когда повысим показатели, тогда и про справедливость подумаем, и про царство.

– Хорошо, я против надоев ничего не имею. Идём.

Мы вышли из клуба. Воздух остыл и стал холодным и мглистым. Осенним. Дни стояли тёплые, почти летние, а вот по ночам становилось понятно, что лето уже закончилось. Люся передёрнула плечами и запахнула тонкое пальто. Я поднял голову. Звёзд не было.

– Сколько времени? – спросила она.

Я глянул на часы.

– Почти двенадцать.

Мы шли по улице, освещённой редкими тусклыми фонарями, окружёнными подсвеченным туманом. Казалось, что свет не может пробиться через дымку.

– Ох, заплясалась я с тобой! – покачала она головой.

– Родители отругают?

– Что? – она засмеялась. – Вряд ли. Они же не узнают. Они под Курском живут.

– А ты как здесь оказалась? – удивился я.

– Как все, по распределению. После Тимирязевки сюда в совхоз послали, вот я и тружусь.

– Серьёзно? Как интересно. Значит, ты дипломированный агроном, получается?

– А что ты так удивился? Аграрный сектор один из важнейших участков народного хозяйства.

– Поражён. А комсомол?

– И комсомол тоже. Но, если говорить, положи руку на сердце, я единственная согласилась, вот на меня и повесили комитет комсомола. Кто-то же должен. Я вообще-то специализируюсь на почвоведении и агрохимии. У нас в совхозе большой опытный участок, вот там и тружусь. У нас и опытное тепличное хозяйство имеется.

– Нравится?

– Конечно, нравится. Работа у меня интересная.

– Надо же... – покачал я головой. – Мы с тобой, значит, практически коллеги, оба химики. Я же в химико-технологическом учусь.

– Это я знаю.

– На последнем курсе.

– Да, это тоже знаю, – кивнула она.

– Хм... И что вы там выращиваете в теплицах своих? Бананы и ананасы, когда в СССР производить начнут?

Она засмеялась:

– Да-да, сначала яблони на Марсе вырастим. Ну, вот, собственно, наше общежитие.

Мы остановились перед небольшим одноэтажным железобетонным зданием, точно таким же, как медпункт.

– Сейчас девчонки дадут мне по мозгам, что спать мешаю, хожу так поздно.

– Часто тусуешься?

– Чего-чего? – насмешливо переспросила она.

– На танцы часто бегаешь?

– Вот ещё, – пожала она плечиками.

– Не ври, ты очень хорошо танцуешь.

– Ну спасибо, – она засмеялась. – Врунней обозвал. Это я просто в детстве на танцы ходила, на народные правда. Ты, кстати, тоже неплохо справлялся, особенно с этой своей скользящей походкой.

– С лунной.

– Вот-вот, с лунной, да.

– Люсь, – встал я напротив неё. – А у тебя парень есть?

– Что-что? – округлила она глаза.

Она отступила на шаг и покраснела. Это даже в свете тусклого фонаря было заметно.

– Просто ты такая девушка замечательная.

– Григорий, ты чего?

– Вот бы мне такую в своё время, – скорее себе, чем ей сказал я. – Я бы горы свернул.

Она, молча и ничего не понимая, смотрела широко раскрытыми глазами.

– И сколько тебе ещё осталось по распределению? – сменил я тему.

– Вообще-то год, но меня председатель сватает... то есть уговаривает оставаться. И директор совхоза тоже. Дом, говорит, дадим, жениха подыщем... А ты не знаешь, куда после института?

Она улыбнулась.

– В Тольятти, на «Куйбышевазот».

– Ого, вам заранее говорят что ли, куда отправят? – удивилась Люся.

– Нет, но я знаю, – кивнул я. – Много чего знаю. Бомбы нейтронной, например, не будет. Так что можешь не переживать. Слушай, спасибо тебе, что вступилась за меня, а то Гуськов мне бы все жилы вытянул.

– Да нет, так-то он нормальный дядька.

– Я знаю, что говорю. Спасибо. Слушай, приходи завтра на танцы, ладно?

– Опять? – удивилась она.

– Ну, а что, неплохо же было сегодня.

– А девушка твоя тоже придёт? – усмехнулась Люся.

– Так, не зли меня, я же сказал, это не моя девушка.

– Ладно, – невинно улыбнулась она. – Не хочешь говорить про свою девушку, не надо.

– Ох, доиграешься ты, Люся, – ответил я с притворной строгостью, она прыснула.

– Не знаю про завтра, – вздохнула она, посерьёзнев. – Меня тут заставили доклад писать к конференции, а время поджигает уже. Так что не уверена, что смогу. Может, в воскресенье? Слушай, а на следующей неделе «Белый Бим Чёрное ухо» привезти должны. Премьера, между прочим. Читал?

– Было дело.

– Ну, вот, – улыбнулась она, – кино сняли. Я тебя приглашаю. Пойдёшь?

– Обязательно. Если ещё здесь буду...

– Так вы же ещё две недели вроде должны работать... – растерянno ответила она.

– Должны...

Мой молодёжный кураж, кажется, пошёл на убыль. Побалдели, бывает, но сказки только в книжках случаются, это я знал. А значит, нужно было готовиться к жестокой реальности, а именно к тому, что вся эта ностальгическая сказка запросто может развеяться и испариться.

– В любом случае, Люся, я рад что с тобой познакомился. Жалко, что этого раньше не произошло, честное слово.

– Да когда раньше-то? Несколько дней назад? Вы же только недавно приехали.

– Нет, жалко, что лет пятьдесят назад мы с тобой не встретились. Неважно, не парься.

Она нахмурилась.

– Не заморачивайся то есть. Не бери в голову.

– Понятно... что ничего не понятно. Да, лет пятьдесят назад было бы любопытно встретиться. Только мне пока ещё двадцать три только. А тебе?

– А мне семьдесят три, – развёл я руками.

– Ну, для дедушки ты неплохо сохранился, – улыбнулась она. – Ладно, шутник. Мне пора. Пока, дедуля, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – кивнул я.

Целоваться не полез. Мне бы хотелось, конечно, но решил, что не стоит всё портить. Стоял и смотрел ей вслед. Она дошла до двери и остановилась, обернулась и взмахнула рукой.

– Я тоже рада, – сказала она, – что мы познакомились.

Перед тем, как уснуть, я улёгся поудобней и почувствовал, что мне хорошо. Несмотря на общее помещение, спящих однокурсников, растянутую сетку и проявляющуюся время от времени боль в затылке, я чувствовал себя в своей тарелке. Дома. Чего давненько уже не было в моём собственном времени, в будущем. Спокойствия в будущем точно было мало.

Ну, значит, решил я, если утром картина мира не изменится, буду жить так, будто вот это всё и есть реальность, а то что осталось в Москве будущего было бредом и наваждением. А ещё, когда закрыл глаза, я представил Люсю с этим её смешным мультяшным именем, тяжёлыми тёмными волосами и большими голубыми глазами. Хорошая девочка.

А потом я уснул, и всю ночь мне что-то снилось, но когда проснулся, ни один из снов вспомнить не смог. Народ собирался на завтрак, и я, вскочив с постели, побежал умываться. Затылок уже практически не болел, а настроение с самого пробуждения стало приподнятым. Нет, там, в будущем был комфорт, достаток, и много разных приятных ништяков. Но там не было одной очень и очень важной вещи. Там у меня практически не было будущего.

– Ну, стало быть, начнём обживать, да? – подмигнул я своему отражению над умывальником.

После завтрака я отправился на почту и приобрёл несколько газет. Нужно было плотнее окунуться в общественно-политический контекст. В юности я этим порой пренебрегал, так что теперь мне предстояла серьёзная работа над собой.

Деньги, немного, правда, но обнаружились. Я вспомнил, что бумажник находился в боковом кармане бесформенного брезентового рюкзака. Так что на газеты мне хватило. Взяв «Труд», «Комсомольскую правду» и «Советский спорт», я пошёл обратно в казарму.

Столетие со дня рождения железного Феликса Дзержинского, доклад Андропова к годовщине, председатель Верховного суда США у Брежнева... Интересно, а где Картер с нейтронной бомбой. Девочка Люся что, «Голос Америки» слушает?

Я шёл и на ходу просматривал заголовки, как Листик из «Незнайки», изредка поглядывая под ноги да по сторонам. Проезжали трактора, проезжали грузовики и мотоциклы, выдавая сизые облачка пахнувшие бензином. Проходили пешеходы. Проехал жёлтый милицейский уазик. На него я обратил внимание, поскольку, кроме Гуськова, ехать на нём было некому.

Ну, проехал, да проехал, мало ли какие у представителя власти дела могут быть. Но, проскочив мимо меня, машина метров через двадцать остановилась и, коротко проскрежетав передачей, сдала назад.

Уазик тормознул рядом со мной, пассажирская дверь приоткрылась, и из неё выглянул перегнувшийся с водительского места Гуськов.

– Физкульт привет, – кивнул я, не сбавляя шаг.

– Стоять, Стрелец! – окликнул меня участковый.

– Не по уставу обращаешься, – пожал я плечами, продолжая шагать дальше.

– Эй, Стрелец, я шутки что ли шучу? Стой сказал!

Он выскочил из машины и бросился за мной.

– Стрелец! Стоять!

– Именем закона что ли? – усмехнулся я, остановившись и повернувшись к нему.

– Давай в машину, шутник! – сердито бросил он, подбегая ко мне.

– Зачем? – удивлённо поинтересовался я. – В общагу хочешь подвезти? Или в лес вывезти, чтобы грохнуть и прикопать?

– Ты чего, головой ударился? – ошарашенно спросил он и, остановившись глазами на повязке, захолопал красными набрякшими веками.

– Моя милиция меня не бережёт, так что да, ударился. А ты чего, накатил уже с утра пораньше?

– Ты охренел?! – взвился он и отступил на два шага. – А чё... пахнет?

– Не сильно, – пожал я плечами. – Хорош по утрам бухать. Стуканёт кто-нибудь, полетит головушка. Или звёздочка, а то и обе.

– Так! – рассердился Гуськов. – Варежку прикрой свою, нос не дорос, старших поучать. Я микстуру принимаю от гипертонии, ясно? Она на спирту.

– Понятно, – кивнул я. – Как скажешь. Гипертония – это настоящий бич современности, и если мы не предпримем действенных мер, она будет только усугубляться. А как, кстати, микстура называется? Не Солнцедар? Не теряйте время даром, похмеляйтесь Солнцедаром.

– Так, отставить! Давай, садись в машину, шутник, понимаешь.

– Зачем, можем и так поговорить. Мне вообще-то некогда разъезжать, надо политинформацию готовить, а то ребята с полей вернутся, а мне и сказать им нечего. Вот я и газеты прикупил. Так что давай завтра, ладно?

– Ты не умничай, ясно? Поехали говорю, пока не пришлось силу применять.

– Опять что ли Мурадян ябеду сочинил?

– Сочинил-сочинил!

– Так он же врёт.

– Вот и подтвердишь, что он врёт, а ты истину открываешь. Не могу я на заявление не отреагировать, понимаешь? Ты всё объяснишь, если надо, опросим свидетелей, и я отказ оформлю.

– Так сразу оформи.

– Если жалобу напишут, мне голову открутят, не понимаешь?

– Ох, Гуськов, темнишь ты брат.

– Так! Поуважительней, пожалуйста!

В прошлой жизни мне действительно пришлось давать объяснения за первый случай, когда шабашники к Галке приставали. Ходил в отдел, или как там у него называется, и подписывал протокол допроса.

Вчерашнего побоища в первом варианте истории не существовало, но я прикинул и решил, что поскольку Гуськов не отстанет, и у меня всё равно выходной, то почему бы не закрыть этот вопрос сегодня?

В общем, я забрался в машину и поехал вместе с участковым в его, так сказать, участок. Было, честно говоря, какое-то чувство, что что-то не так, но такое неуловимое, что я махнул рукой.

Отделение оказалось обычным старым бараком.

– Заходи, не стесняйся, – кивнул участковый на дверь кабинета, когда мы прошли по коридору. – Я сейчас, бумажки только принесу. Давай-давай, не робей.

Тут-то мне стало совершенно ясно, что стоит ждать какой-то подставы и надо было потихому делать ноги. Но дверь кабинета отворилась, и на пороге появился человек. В принципе и хрен бы с ним, я не был обязан здесь находиться. Да только... Да только мне вдруг стало интересно, что за ерунда здесь происходит.

– Григорий, привет, – спокойно и приветливо поздоровался он.

Это был тот самый тип, который вчера появился на месте моей схватки с шабашниками. Он и сейчас был в тех же брюках, рубашке и ветровке.

– Заходи. Ты чего такой напряжённый? Поговорить надо. Не про вчерашнее и вообще не про шабашников. Они меня не интересуют. Моя бы воля, я тебя наградил бы за защиту гражданского населения.

– Так я и сам вроде гражданский, – прищурился я, – разглядывая этого дядю.

Волосы у него были тонкие, аккуратно расчёсанные на пробор. Большие залысины придавали солидности, хотя лет ему было чуть больше тридцати. Роста моего примерно, сухой, жилистый. Взгляд прямой, спокойный и... что-то меня зацепило. Может во взгляде, может... не знаю... Было что-то знакомое, но я никак не мог вспомнить, где мы могли встречаться.

– Соображаешь, где мог меня видеть? – усмехнулся он.

– Вспомнил уже, – кивнул я. – Вчера вечером. В темноте плохо рассмотрел, вот и думал, ты это или нет.

– Ну, – чуть усмехнулся он, – давай для начала ты мне «тыкать» не будешь, ладно? Всё-таки я лицо должностное.

– Согласен, – улыбнулся я. – Правда это мне пока неизвестно, про лицо, то есть. И, опять же, я ведь тоже, если разобраться, лицо немаловажное.

– И в чём же важность? – улыбнулся он в ответ.

– Как в чём? Я гражданин Советского Союза, а к нам даже должностные лица с уважением относятся, потому как, работают для общего блага, блага советских граждан то есть.

– Уел! – рассмеялся он. – Уели то есть. Принимаю, Григорий Андреевич, проходите, пожалуйста. Вот сюда присаживайтесь, к столу.

Мы вошли в кабинет. Обстановка была максимально простой. Стол, пара стульев, сейф, портрет. Без несгораемого шкафа не обходилось ни в одном серьёзном заведении. На столе лежала грязно-жёлтая бумажная папка и шариковая ручка, больше ничего.

– Можно паспорт ваш? – попросил этот тип, усаживаясь за стол Гуськова.

Мелькнула же мысль вчера, что он мент. Значит видел всё. Блин, при таком раскладе выкрутиться будет сложнее. Это не новые времена, процедура, думаю ничего не значит против слова следака. Если он следак, конечно.

– И вы свой мандат покажите, – кивнул я, протягивая паспорт.

В дверь заглянул Гуськов.

– Я не нужен? – заискивающе спросил он.

– Нет, – ответил тип с залысинами.

– Я тогда поеду, мне надо свидетеля опросить в соседней деревне.

– Конечно, Геннадий Михайлович, езжайте. Второй ключ вы мне оставили, я всё закрою, не беспокойтесь.

Гуськов исчез, и мой интервьюер уставился на меня.

– Мандат значит, – усмехнулся он, но глаза остались серьёзными. – Ну, держи.

Он протянул ко мне красную книжицу с золотым тиснёным гербом и надписью «КГБ СССР». Интересное кино. Где, как говорится, шабашники, а где КГБ...

– Надо же, – качнул я головой, и он раскрыл удостоверение, давая мне ознакомиться с тем, что там написано.

Портрет, печать, герб, щит, дубовые и лавровые ветви, удостоверение номер... Я внимательно прочитал и поднял глаза. Охренеть... Ещё раз посмотрел ему в лицо и снова на фотографию. Охренеть... Можно было даже не читать, на фото он был очень и очень похож на человека, которого я уже видел... Я его узнал, но постарался не подать виду.

– Ну? Изучили?

– Почти, – кивнул я, внимательно глядя ему в глаза.

Да, глаза были всё те же, сомнений не оставалось...

7. Пять, четыре, три...

В удостоверении, действительном до конца года, было сказано, что это старший лейтенант Весёлкин Алексей Михайлович. И глаза действительно совсем не изменились. Даже странно, что я сразу не распознал.

Сам он со временем подряхлеет, осунется, нос его станет похожим на картофелину, появятся глубокие морщины, и волосы выпадут, оставив череп совершенно голым. А вот глаза не изменятся... Весёлкин, значит... Хм... Я ведь так и не успел пробить, что это за член такой.

Весёлкин... Я прищурился, пытаюсь припомнить, слышал ли когда-нибудь эту фамилию... Нет, ничего на ум не приходило. Но совершенно очевидно было, что это тот самый дед, что вошёл в кабинет к генералу Прошину, когда мы с ним коньяк распивали в мой последний день на службе.

Однако... Для того, чтобы оказаться простым совпадением, одних звёзд было явно недостаточно, даже если учитывать звёзды на погонах. Так что эта встреча не казалась мне случайной. Разве можно допустить такие случайности? Я качнул головой.

С другой стороны... Если это не случай, то что? Сомневаюсь, что мы всем боевым коллективом в прошлое перелетели. На специальную временную операцию. Смешно, хотя, могли бы навести порядок в тёмные времена, в девяностые, то есть... Я бы много дал, за такую возможность...

А в принципе... А в принципе, вот же она эта возможность и есть. Как говорится, *йеволюция, о кото'ой так долго твейдили большевики, свейшилась, товаищи*... Так может, всё, что со мной случилось было не бредом, а шансом? Или предназначением, данным свыше? Так что, берётесь, товарищ Стрелец?

Руки, честно говоря, зачесались. Раз уж это наваждение не кончалось, то может быть, уже и не кончится? И тогда я бы мог попытаться... Провернуть спасение советской империи было бы непросто, но и время до прихода Горбача ещё оставалось, так что можно было попытаться придумать что-нибудь, в конце концов...

– Так изучили или нет? – усмехнулся Весёлкин. – Вы наизусть запоминаете или что?

– Уже запомнил, Алексей Михайлович, – кивнул я, отстраняясь от его удостоверения. – Немного неясно, там сказано, что вы оперуполномоченный по Ленинграду, а мы с вами в Тульской области сейчас. Странно как-то.

– Надо же, какой вы внимательный и вдумчивый читатель. Не думали о работе в органах? – Внутренних?

Он не ответил, выжидательно глядя на меня.

– Нет, не думал, – покачал я головой. – Так что за интерес у Ленинграда к деревне Красноперниково?

– Сейчас объясню, – кивнул он. – У нас там центр находится учебный.

– Интересно...

– Догадываетесь, к чему я клоню? – доверительно спросил он.

– Нет, абсолютно никаких идей.

– Я хочу предложить вам сотрудничество.

– Какого характера, Алексей Михайлович?

– Настоящую мужскую работу. Я уверен, вам могло бы понравиться. И я видел вчера, на что вы способны.

Интересная картина вырисовывалась. Подобный разговор в моей жизни действительно был, но не сейчас, а через пару лет. Я закончил институт, получил диплом, год отработал на «Куйбышевазоте» в Тольятти, задержал несколько хулиганов на дежурствах в ДНД, я там про-

слыл легендарным дружинником. Ну а потом меня завербовали в контору. Мол, чего тебе на заводе киснуть? У нас то, у нас сё, движ, говоря по-современному, риск и понимание исключительной важности того, что делаешь.

В армии я, естественно, был отличником боевой и политической, десантура, опять же, Ош, потом учёба, поступление в ВУЗ, в институте – комитет комсомола, затем то же самое на заводе, кандидат в члены КПСС... В общем, совершенно положительный персонаж без единого пятнышка, одни плюсы.

...зарекомендовал себя, как надёжный, ответственный и инициативный работник. В коллективе пользуется заслуженным авторитетом и уважением товарищей ...

Так в характеристике с места работы было написано. И из института, и из школы. Во всех характеристиках примерно одно и то же. Причём, у всех, кого я знал.

– Погодите, – нахмурился я. – Я ведь ещё институт не закончил. Хотите, чтобы я его бросил?

– Слушайте, вам осталось всего ничего, последний курс. И в принципе обучение можно заочно завершить, если вам так этот диплом нужен. Мы вас в институт общественных наук при ЦК КПСС устроим.

Ого! Это было место для обучения представителей западных компартий и участников радикальных движений. От марксизма до организации терактов. Любопытное местечко, где преподы ходили с длинными патлами и в рваных джинсах. Интересно-интересно... Своих там тоже обучали для работы с зарубежными товарищами.

– Преподавателем или студентом? – поинтересовался я.

– Я думаю, приняв во внимание диплом МХТИ, где вы сейчас учитесь, мы могли бы направить вас в аспирантуру. Там, между прочим, огромное поле для научных исследований.

Что за игру он устроил... Увидел, как я вчера вольных каменщиков отделал и сразу предложил заняться научной работой в институте, куда простой смертный никогда в жизни не попадёт? Кто мог бы поверить в эту хрень? Даже дебил Мурадян призадумался бы. Тогда зачем он так грубо рисует свою картину?

– Наука – это хорошо, – хмыкнул я.

– Языки есть у вас? – как ни в чём не бывало спросил он и, раскрыв папку переложил несколько бумажек.

– Английский более-менее, – кивнул я.

– А ещё есть какие-то познания?

– Русский...

Вообще-то я ещё на испанском довольно сносно изъяснялся и немного на арабском, и даже на суахили.

– Это не беда, всегда можно наверстать. У нас есть методики для быстрого и эффективного овладения языками.

– Погодите, – задумчиво проговорил я, – вы что для зарубежной работы кандидата ищите?

Он помолчал с многозначительным видом и рассмеялся:

– Ну, я так понимаю, вам сразу разведчики и резиденты представились? Скажу откровенно, это из области кинематографа. У нас всё значительно проще, но всё равно интересно, это я могу гарантировать.

Выражение лица у него было открытое, дружеское, всем видом он демонстрировал эмпатию. Приятный такой молодой человек. Ну, то есть с вершины прошлого меня молодой, а для меня нынешнего он должен был казаться старшим товарищем.

– Но институт этот вроде не в Ленинграде, а в Москве находится, – заметил я.

– Я вижу, вас на мякине не проведёшь, – подмигнул он. – На самом деле, это не имеет значения, поскольку начинать вы будете в Питере, а потом уже вернётесь в столицу. Сначала спецподготовка. Ну, как вам предложение?

– Неожиданно, – пожал я плечами. – Да и странно немного. Вроде обычно это дело иначе происходит.

– Ты имеешь в виду наш сегодняшний разговор? – поднял он брови. – Вы, то есть...

– Ну, да, вроде того. Отбор ведь довольно тщательно ведётся, после ВУЗа, после того как человек зарекомендует себя, проявит. А я что? Штукатурам наkostenял? Но вы не поэтому приехали. Вы же эту папочку собрали ещё до всех шабашников, так?

– Послушай, – снова сбился он на «ты», – ты должен понимать, у нас идёт война. Люди живут полной жизнью, радуются этой жизни, а мы воюем. Для нас с водружением знамени над Рейхстагом ничего не кончилось. И враг наш хитёр и опасен, хочет раздавить нашу страну, разорвать на куски. Слышал такую фразу, воевать с Россией на территории России и за счёт России? Так вот, это не пропагандистский лозунг и не фигура речи, поверь. Только дашь слабинку разок и уже над городами братских республик взвоятся чужие флаги и появятся бесноватые фюреры, выращенные западными разведками. А есть ведь ещё и внутренний враг, тот, кто притворяется своим.

О как... неожиданно...

– Не сомневаюсь, – кивнул я. – Но это немного про другое.

– Ни про какое не про другое, – чуть хлопнул он ладонью по столу. – И поэтому мы ведём непрерывный мониторинг для поиска перспективных кандидатов. И в армии, и в вузах, и в общественной работе. Повсеместно.

Ух-ты, мониторинг. Словечки какие интересные... Я не подал виду, что обратил внимание, но он почувствовал, что я заметил. Матёрый кент в свои тридцать с хвостиком, не зря, видать, до глубокой старости служить будет...

– Мониторинг – это заимствованное слово из английского языка, – пояснил он. – Означает отслеживание в режиме реального времени. В нашем случае – постоянный контроль и поиск тех, кто нам подходит.

– Я догадался, – кивнул я.

– Отбор по-разному может идти, – продолжал он. – В нашем конкретном случае мне нужно только ваше согласие. Форму, бумаги, довольствие я беру на себя.

– А проживать где?

– Пока останетесь в своём общежитии, поскольку потребуется некоторое время на бюрократические процедуры. А потом общежитие с отдельной комнатой со всеми удобствами.

– Ясно. Подумать можно?

– Думайте, – с некоторым удивлением пожал он плечами, мол, чего тут думать-то?

То, что этот Алексей Михайлович был связан с системой, сомневаться не приходилось. Видел я его в ГРУ и Прошин ему явно оказывал уважение, заискивал даже. Правда, непонятно, как он перепрыгнул из КГБ в службу конкурентов, но ладно, как-то смог, стало быть. В конце концов, я и сам, начав в «конторе» оказался в военной разведке. Но со мной, как раз, всё было понятно.

В начале девяностых я уволился из госбезопасности. Ситуация к тому времени совсем нездоровая сложилась. Только дело было не в безденежье и никудышном матобеспечении, и не в том, что в газетах на нас всех собак вешали. Это вообще роли не играло, поскольку сами мы верили, что работали ради страны и держались из последних сил. За идею, в общем.

А уволился я, потому что даже в той ситуации, когда практически не оставалось кадров и денег на проведение операций, кто-то ещё мог принимать волевые решения. Ну, и меня внедрили в очень серьёзную ОПГ, главарь которой очень хотел стать чуть ли не президентом. Работа закипела, и я даже начал неплохие результаты выдавать. Только наверху что-то пошло не так,

кому-то очень неслабо заплатили, и всё руководство нашей программы резко уволили и очень быстро подчистили. Один из них спрятался и со временем свалил на Запад, а вот остальных – кого в подъезде, кого в бане – всех ликвидировали.

Вся документация исчезла, а все связи с внедрёнными сотрудниками были оборваны. Чудесная ситуация возникла, просто прекрасная. Я кое-как вырвался из своей банды. Пытался восстановить информацию, но никто и слушать ничего не хотел, чуть не посадили даже. Ну, в общем... времена были интересные, да...

– Так что? – прервал мои мысли лейтенант Весёлкин.

– Что? – пожал я плечами.

– Подумал? Мне нужен ответ.

– Подумал, – кивнул я. – Давайте попробуем.

Чего, собственно, тут было думать. Всё было предельно ясно. Я бы, в любом случае, ждал, пока меня не завербуют, как и в прошлой жизни. Но, раз возникла возможность примкнуть к нашим пораньше, грех было не воспользоваться. После стольких лет жизни в системе химический завод был совсем не тем, чего я хотел. Тем более, отказался бы и ломал потом голову всю жизнь, как и почему этот кент вышел на меня и почему в прошлой жизни такого не было...

– Решение быстрое, молодец, но есть замечание. Не попробуем, а сделаем всё, что необходимо, да?

– Да, Алексей Михайлович, выполним любое постановление партии и правительства, – кивнул я.

При упоминании партии он хмыкнул.

– Ну, вот, так-то лучше. Значит, можем выезжать. Через пять минут придёт транспорт и двинем.

– Прямо так? – удивился я. – Мне вещи надо собрать и руководителя в известность поставить.

– Мы уже поставили. По легенде тебе стало плохо из-за травмы и пришлось вызвать санитарную машину для доставки в областную больницу.

– А фельдшер?

– Она и вызвала. Говорю же, через пять минут неотложка здесь будет.

– А зачем такие сложности? – нахмурился я.

Это была вообще полная хрень уже.

– Да, какие же это сложности? – усмехнулся он. – Всё элементарно просто. Никаких сложностей нет, да и время терять незачем. Ты, конечно, молодец, что согласился, но это ещё не всё. Данные у тебя хорошие, база неплохая на первый взгляд, но этого мало. Придётся выполнить тестовое задание.

– Что за задание? – уточнил я.

– Ничего особо сложного или такого, чего тебе не приходилось бы уже делать. В армии, я не знаю, в повседневной жизни, ещё где-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.